

АНДРЕЙ ШАРЫЙ

ЧЕШСКОЕ ВРЕМЯ

Фотографии Ольги Баженовой

Андрей Шарый

**Чешское время. Большая история
маленькой страны: от святого
Вацлава до Вацлава Гавела**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4)

Шарый А.

Чешское время. Большая история маленькой страны: от святого Вацлава до Вацлава Гавела / А. Шарый — «Азбука-Аттикус», 2021

ISBN 978-5-389-20901-5

Новая книга известного писателя Андрея Шарого, автора интеллектуальных бестселлеров о Центральной и Юго-Восточной Европе, посвящена стране, в которой он живет уже четверть века. Чешская Республика находится в центре Старого Света, на границе славянского и германского миров, и это во многом определило ее бурную и богатую историю. Читатели узнают о том, как складывалась, как устроена, как развивается Чехия, и о том, как год за годом, десятилетие за десятилетием, век за веком движется вперед чешское время. Это увлекательное путешествие во времени и пространстве: по ключевым эпизодам чешской истории, по периметру чешских границ, по страницам главных чешских книг и по биографиям знаменитых чехов. Родина Вацлава Гавела и Ярослава Гашека, Карела Готта и Яна Гуса, Яромира Ягра и Карела Чапека многим кажется хорошо знакомой страной и в то же время часто остается совсем неизвестной. При этом «Чешское время» – и частная история автора, рассказ о поиске ориентации в чужой среде, личный опыт проникновения в незнакомое общество. Это попытка понять, откуда берут истоки чешское свободолюбие и приверженность идеалам гражданского общества, поиски ответов на вопросы о том, как в Чехии формировались традиции неформальной культуры, неподцензурного искусства, особого чувства юмора, почему столь непросто складывались чешско-российские связи, как в отношениях двух народов возникали и рушились стереотипы. Книга проиллюстрирована работами пражского фотохудожника Ольги Баженовой. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100-87)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-389-20901-5

© Шарый А., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

00:00	7
01:00	25
02:00	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Шарый

Чешское время. Большая история маленькой страны: от святого Вацлава до Вацлава Гавела

© Текст, Шарый А., 2021

© Фотографии, Баженова О., 2021

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
КоЛибри®

* * *

00:00

Чуть просторнее Калмыкии
Прага. Пражский Град
Praha. Pražský Hrad

О моей нации в «большом мире» ничего не известно, поскольку все, что ее касается, тривиально, неинтересно – а быть может, только кажется таковым.

Ян Паточка. Кто такие чехи? (1972)

Вид на Пражский Град с Карлова моста

Над Пражским Градом не слышно торжественного боя часов, потому что куранты на башнях не установлены, нет у главной чешской крепости традиции ежечасного «бом-бом!». Вот

перекличку колоколов разных пражских храмов желающие могут послушать (скажем, с холма Петршин), это для города дело обычное, но в Граде с частым звоном стрóбжаты. Самая главная чешская колокольня расположена в южной башне кафедрального собора Святых Вита, Вацлава и Войтеха, с ежедневным «Ангелом Господним» тут не мельчат – звонят не больше десяти раз в году, по праздникам, да еще по особенным, иногда трагическим поводам вроде похорон в 2011 году президента и гражданина Вацлава Гавела. Так что каждый раз, считайте, это спецпредставление. На третьем уровне 96-метровой башни, увенчанной зеленой четырехугольной шапкой, подвешены почти все имеющиеся на вооружении собора инструменты духовного оркестра: пять из шести колоколов носят имена важных святых, еще один зовется *Dominik*, поскольку звонят в него, если выпадает такое счастье, исключительно по воскресеньям. Чехи, получившие в наследство от истории неимоверное множество великолепных храмов, не очень-то богомольны: католиками числят себя лишь десять процентов населения страны, а число гуситов или лютеран и вовсе пренебрежимо невелико.

Западный фасад собора Святых Вита, Вацлава и Войтеха

Седьмой и главный соборный колокол, Зикмунд (весом 15 тонн, самый большой в Чехии), размещен этажом ниже, ему и достается основная работа. Европейская традиция такова, что звонари раскачивают не столько язык (по-чешски он называется *srdce*, «сердце»), сколько купол, поэтому особенно большие колокола в «неправославных» странах не отливают.

Зато, в отличие от 202-тонного кремлевского Царь-колокола, Зикмунд за четыре с половиной века дежурства не треснул и не раскололся. Управляются с ним разом шесть человек, добровольцы из общества «Пражские звонари святого Вита». У Зикмунда, можете сами послушать в ютубе, довольно высокий медно-оловянный голос, 80 процентов меди на 20 процентов олова. Уровень звукового давления при работе колокола достигает 120 децибел – с такой силой грохочут пескоструйный аппарат и отбойный молоток.

Забавно наблюдать, как опытные звонари, качающие язык, выскакивают из-под купола, едва убедившись в том, что вот-вот бумкнет, – иначе оглохнешь. Зикмунд спродюсировал и отлил известный в Богемии металлических дел мастер Томаш Ярош из Брно, украсивший корону и талию колокола разными медальонами и надписями на латыни и чешском. При всей замысловатости смысл их сводится к одному, главному слогану: «Голос мой – голос жизни – зову вас – собирайтесь к мессе». Легенда рассказывает, что любая неприятность с главным колоколом страны грозит бедой и самой Чехии, и это не сказка, а быль: стоило в 2002 году вывалиться «сердцу» Зикмунда, как Прагу постигло небывалой силы наводнение, которое и я прекрасно помню. Уровень Влтавы тогда поднялся почти на восемь метров, затопило полгорода, даже в зоопарке утонули 134 несчастных животных. Жизни ни в коем случае нельзя терять свой голос.

Башню собора Святого Вита строили долго-предолго, поэтому до пояса она получилась готической, а после 55-го метра барочной. Выше всех колоколов, под шпилем, на верхушке которого флюгером вертится позолоченный двуххвостый лев с крестом в лапах, расположен часовой механизм. Чтобы добраться к нему от часовни Гроба Господня (туда в 1436 году перезахоронили останки епископа Збынека Зайица из Газмбурка, прозванного за пугающую для священника необразованность Алфавитом), приходится пересчитать почти три сотни ступеней. Эти часы, по остроумному замечанию одного современного пражского летописца, хайтек эпохи императора Рудольфа II – артефакт начала XVII века: стрелки на верхних циферблатах движутся с обычной скоростью, а на нижних оборачиваются непривычно проворно, за 15 минут. Не думаю, впрочем, что речь идет о самом необычном пражском хай-теке: например, стрелки на часах Еврейской ратуши в районе Йозефов вращаются в обратную от привычной сторону, а циферблат расчерчен буквами (они же цифры) на иврите. Поскольку на иврите пишут слева направо, то и стрелки движутся слева направо, иначе говоря, по-еврейски.

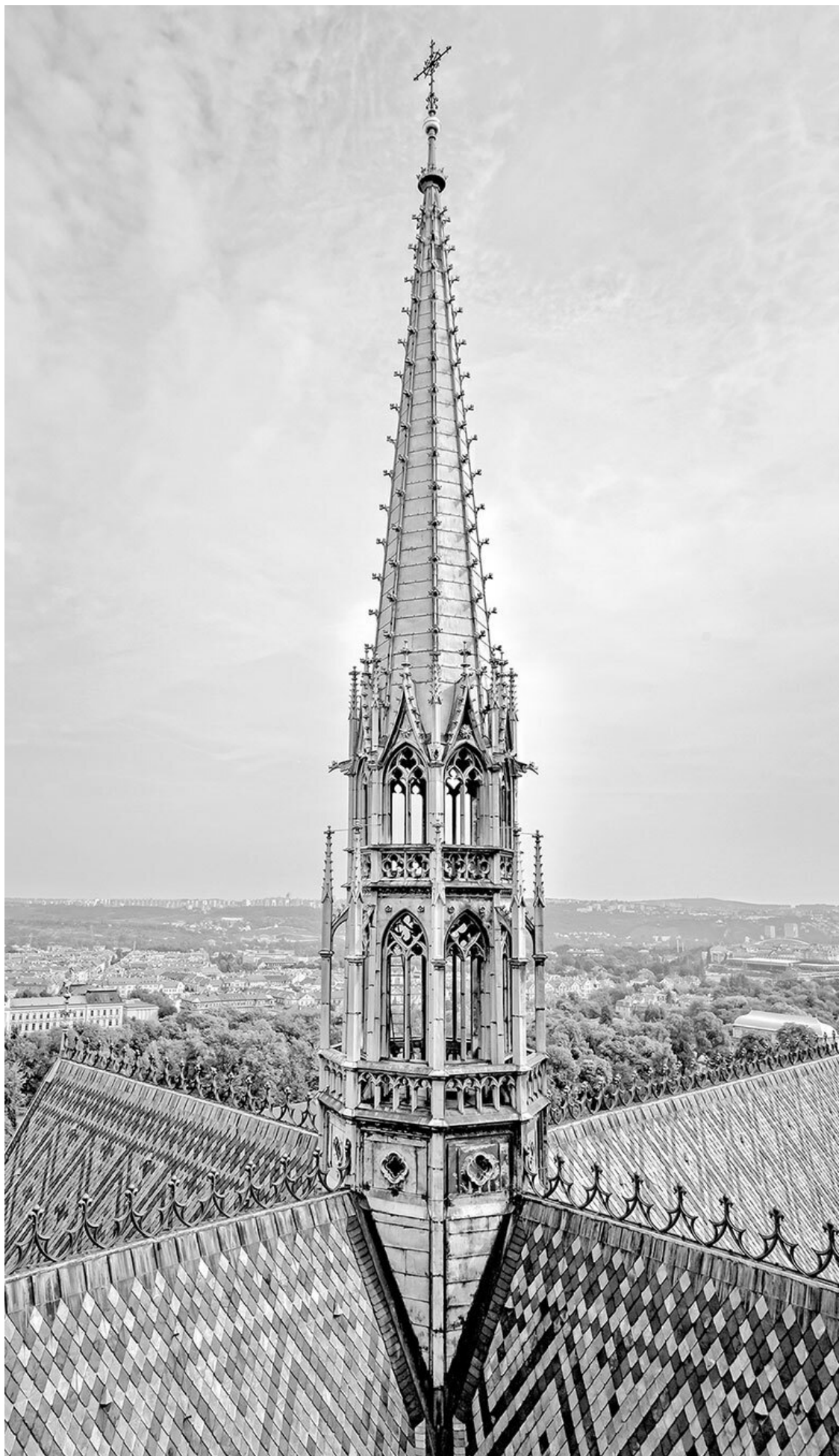
Наблюдения за часами Большой башни с их двойным способом времяисчисления, быстрым и медленным, заставили меня покопаться в интернете, чтобы восстановить в памяти кое-что давным-давно прочитанное. Вот, нашел: древние греки для обозначения времени использовали целых два понятия – хронос и кайрос. Кайросом они называли бога счастливого мгновения, повелителя неуловимого мига удачи – того мига, что всегда наступает неожиданно. Хронос – бог, породивший помимо трех стихий еще и собственно время; характеристики Хроноса не качественные, а количественные, касаются не взрывного, но последовательного движения из прошлого в будущее. Хронос, получается, время «старое», а кайрос – «новое», юное и возобновляющееся. А какое оно, чешское время?

Исходя из своего понимания исторической философии, Томаш Гарриг Масарик¹, «создатель Чехословакии» и ее первый президент на протяжении 17 межвоенных лет, провозгласил чешский вопрос вопросом всемирным, а возникновение национального государства промыслом Божиим. Резиденцию главы государства Масарик обустроил в Граде, откуда как на ладони открываются и пражская, и политическая, а часто и международная перспектива. В 1920 году над крышей Тронного зала поднят – и развевается поныне, если глава государства находится

¹ Томаш Масарик был последовательным сторонником женской эмансипации, как сказали бы сейчас, гендерного равенства. В 1878 году он женился на дочери богатого американского предпринимателя Шарлотте Гарриг и добавил к своему имени фамилию супруги, причем поставил ее впереди своей собственной. В Чехословакии полное имя Масарика в обиходе сокращали до аббревиатуры ТГМ. – *Здесь и далее примеч. авт.*

на территории своей республики, – президентский штандарт с лозунгом *Pravda vítězí*, «Правда побеждает».

Этот лозунг выдвинул шесть веков назад проповедник Ян Гус, выдвинул скорее в духовном, чем в политическом контексте. *Super omnia vincit veritas*, «Правда побеждает над всем», – сообщил этот церковный реформатор в 1413 году в послании к одному из своих соратников. Вскоре Гус, оказавшийся под папским замком в немецком городе Констанца, где Римско-католическая церковь проводила важный собор, развил философу в зашифрованном письме товарищам: «Стойте в своем понимании правды, которая побеждает над всем и сила которой на века». Гус не отрекся от убеждений, которые проповедовал, но его правда не победила, а проиграла: несчастного сожгли на костре, пепел вытряхнули в Рейн. Тарас Шевченко написал о Яне Гусе яростную поэму «Еретик», на место гибели Яна Гуса в Констанце поместили огромный мемориальный булыжник. Но папский престол Яна Гуса до сих пор не реабилитировал, слишком велик оказался его полемический потенциал.

Собор Святых Вита, Вацлава и Войтеха

Он безусловный моральный авторитет чешской нации, из самых первых. Памятники Гусу расставлены по всей стране; самый внушительный торжественно открыли на пражской Староместской площади ровно через 500 лет после той роковой минуты, когда безжалостный палач во имя «спасения и очищения души заблудшего» разжег хворост под босыми пятками привязанного к столбу вероотступника. На цоколе пражского монумента выбито другое, не краснознаменное воззвание чешского праведника: «Любите друг друга, и правды достанет каждому». Учение Гуса, «пожертвовавшего жизнью во имя правды», оказалось столь популярным, что его последователи, обуреваемые идеями средневековой демократии, несколько кризисных десятилетий диктовали власть в Богемии, побеждали в религиозных войнах и заложили прямо-таки краугольный камень в здание национального сознания.

Вопрос, почему именно на чешской земле в начале XV века возникло широкое движение за реформацию Церкви, на столетие опередившее возникновение протестантизма, сам по себе заслуживает исследования, ученые до сих пор спорят. Харизматичный Ян Гус, настоятель пражской Вифлеемской часовни (позже еще и ректор Карлова университета, в стенах которого сформировался кружок нетрадиционно мыслящих теологов), читал на родном чешском языке проповеди – как уточнено в документах, 158 в год, – иногда собирая по несколько тысяч прихожан. Кажется, это сделало его, человека истовой веры, самым большим грехом молодости которого было увлечение шахматами (о такой слабости Гус впоследствии сожалел), главным селебрити своего времени. Стены просторной часовни проповедник велел разрисовать нравоучительными цитатами и картинками, иллюстрировавшими пассионарные лекции об истинной вере. Эти рисунки нам не увидеть, средневековое здание не сохранилось, новое подняли на старом фундаменте в 1950-е годы просто как памятник коммунистическому пониманию гусизма, сводившемуся к классовой борьбе бедных и богатых. Теперь пражские университеты проводят в Вифлеемской часовне конференции и торжественные мероприятия, это скорее храм науки, чем храм Божий. Мне пару раз доводилось присутствовать: как и в начале XV века, все здесь практично и предельно просто, без сакральных излишеств. Гуситы полагали, что церковные помещения должны быть приспособлены для разговора с Господом, а не для демонстрации богатства слуг Его.

Ян Гус всем сердцем воспринял сложное учение английского религиозного философа Джона Уиклифа, призывавшего христиан вернуться к хрустальному роднику Священного Писания. Пражский соборный капитул в 1403 году выявил в сочинениях Уиклифа сразу 45 еретических положений. Но скажите, кто и сегодня не пошел бы за лозунгами вроде «несправедливый богач есть вор» или «собственность должна принадлежать честным»? На том же соборе в Констанце отдельно осудили практику сочувствовавших Гусу священников, которые осмелились допускать после причащения к чаше с кровью Христовой мирян, а не только духовных лиц. Чаша и стала знаком обновления, символом гуситского движения и победоносной гуситской революции, а потом и своего рода культурным кодом верности принципам национальной свободы. Кроваво-красная (вариант: золотая) чаша красовалась на гуситских флагах, над дверями гуситских храмов, а в пору Первой республики, провозгласившей безусловной приверженность нового государства принципу *Super omnia veritas* («Превыше всего истина»), превратилась в популярный элемент городского пейзажа, в украшение барельефов, в надстройки на башенках над крышами домов, в виньетку для туристов.

Гуситская идеология сочетает в себе готовность погибнуть в святой войне за истинную веру с пацифистскими убеждениями. Знаменитый боевой гимн «Кто они, Божьи воины» каким-то невероятным образом рифмуется с проповедями прямо-таки апостола миролюбия Петра Хельчицкого о непротивлении злу насилием и бесконечном духовном совершенствовании во имя всеобщего братства. В любом случае апелляция к фигуре таких, как Гус или его последователь Хельчицкий, масштабов при восстановлении государственности неминуемо помещает идеологию молодой страны в тесные этические рамки. Непогрешимость кумира,

жизнью, проповедью и мукой своей на веки вечные задавшего потомкам высочайшую моральную планку, думаю, в некоторой степени сказывается на социальном взрослении и поведении целых поколений. Все-таки важно, какой пример для подражания предлагают тебе семья и школа: пламенного революционера, кровавого завоевателя, властного императора или вот гуманиста чистой воды. Собственно, вовсе не случайно Томаш Масарик публично объявил непримиримый чешский бой габсбургской монархии, выступив с кафедры Женевского университета не когда-нибудь, а 6 июля 1915 года, опять же в день 500-летия гибели Яна Гуса за свою веру.

Памятник Томашу Масарику в Кутна-Горе (1938). Скульптор Карел Дворжак. Статую дважды демонтировали и переплавляли (нацисты и коммунисты). Обновлена в 1991 году

Масарик и его соратники в 1910-е годы рассматривали возникновение Чехословакии как торжество гуситской идеи человечности в глобальном понимании², хотя рядовые граждане, судя по воспоминаниям современников эпохи, воспринимали независимость прежде всего как «избавление народа от трехсотлетнего германского рабства». Словаки, в свою очередь сбросившие с решающей помощью чехов и стран Антанты «тысячелетнее господство венгров», в новую страну вошли на положении младших партнеров, чтобы обнаружить: братский союз двух вроде бы близких народов не всегда и не во всем преотличная вещь. Но изречение о всепобеждающей вневременной истине на штандарте президента Чехии ничуть не полиняло от времени, оно и теперь лишает текущую политику ее стопроцентного прагматизма.

Высокому закону Яна Гуса удастся следовать не всегда, но современное чешское общество, креативный класс которого склонен к всяким остроумным озорствам, подчас чутко реагирует на попытки девиаций. Осенью 2015 года наряженные в костюмы трубочистов участники пражской арт-группы *Ztohoven* вывесили над Градом на древке парадного штандарта огромные красные трусы – в знак протеста против «аморальности и бесстыдства» политики президента Чешской Республики Милоша Земана, сдвигавшего страну, как считали многие его сограждане, с магистрального европейского пути. Отважным актуальным художникам грозило по «двушечке», однако суд освободил их от ответственности, сославшись на то, что материальная выгода из хулиганских действий извлечена не была. Потом Земан отомстил: публично сжег эти пролетарского цвета трусы на костре, разведенном в саду Лумбе, где вообще-то выращивают овощи и фрукты для президентского стола. Президенты Чехии и проживают в этом чудесном саду, в особняке, построенном в первой половине XIX века для собственных надобностей пражским хирургом Карлом Лумбе.

Шутки шутками, но в столкновении или взаимодействии явлений карнавальной культуры с идеями о ниспосланном свыше (в том числе Яном Гусом) происхождении небольшого государства в центре Европы кроется еще одна парадигма чешского, не побоюсь этого выражения, интеллектуального дискурса. Главный пражский философ XX столетия, один из лидеров антикоммунистического диссидентского движения Ян Паточка в сборнике писем «Кто такие чехи?» выстроил концепцию национальной истории вокруг рубежных событий 1620 года, трагической даты потери независимости, восстановленной потом лишь через три столетия – и да, во многом благодаря Масарику. До злосчастной, довольно глупо проигранной чешскими сословиями (в современном понимании, читай, патриотами) битвы на Белой горе, после которой Богемия окончательно досталась Габсбургам, ее проблемы по большей части были идентичны проблемам Европы, считал Паточка, *«и таким образом в Чехии <...> решались, по крайней мере отчасти, всемирные задачи»*. Этот почти что хтонический период философ назвал «большой историей чехов», которую под гнетом иноземцев сменила «история малая» – время *«потери величия и отрыва от решения крупных задач»*. XX век, по логике Паточки, если и не вернул Чехию в самый центр международной жизни, то предоставил вспомнившей о своей гордости нации возможность после длительного отсутствия туда, к этому центру, стремиться. Очевидно, чтобы написать новую главу «большой истории».

² На эту тему в книге «Проект “Чехословакия”. Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938)» интересно теоретизирует российский историк и журналист Александр Бобраков-Тимошкин.

Фрагмент памятника «Прага – своим сыновьям-победителям» (1932). Аллегория Праги украшает чешское знамя липовой ветвью – символом славянства. Скульптор Йосеф Маратка

Политический класс воспользовался такой возможностью, но плоды оказались, не чета яблокам из сада Лумбе, горько-сладкими. Роковой для чешского общества в минувшем столе-

тии стала цифра 8. Об этой странной цикличности написано бесчисленное количество всего, от политологического до нумерологического. Судите сами: в 1918 году возникла Чехословакия, в 1938-м так называемая Первая республика подчинилась Адольфу Гитлеру, в 1948-м произошел коммунистический переворот, в 1968-м бурно расцвела реформаторская Пражская весна, за которой тут же последовало вторжение в страну армий стран организации Варшавского договора во главе с советской. «Бархатная революция», покончившая в 1989-м с чехословацким изводом социализма, опоздала к «восьмерке» всего лишь на год. Линия прошлого выглядит волнисто, не зря цифра 8 похожа на поставленную на попа ленту Мёбиуса: за очарованием непременно следовало разочарование, время надежд неизменно сменялось периодом отчаяния; баланс всякий раз сводился безусловно.

Перефразировать чешскую парадигму можно и следующим образом, с вопросительным знаком: по каким же часам сверяют здесь историческое время – по кремлевским, «по самым правильным на всей Земле» курантам, или оглядываясь на Биг-Бен, или на берлинское «Мировое время», или на венецианскую башню святого Марка, или на что-то там в США, вроде ратуши в Миннеаполисе? Или подводят стрелки по Гринвичу? Со стародавних времен чешские земли вращались в орбите германского влияния; в новейшей истории вопрос цивилизационного развития был сформулирован как знакомая едва ли не всем славянским народам дилемма «с русскими или с прусскими?». В минувшем столетии эта дилемма разрешалась через тяжелейшие кровавые кризисы, пока западноевропейский выбор наконец не был (как кажется сейчас) сделан бесповоротно.

О его закономерности с патетической яростью писал Милан Кундера в работе 1984 года «Трагедия Центральной Европы»: *«Чехам нравилось по-детски размахивать “славянской идеологией”, считая ее защитой от германской агрессии... “Русские называют все русское славянским, чтобы потом назвать все славянское русским”, – предупреждал в 1844 году соотечественников об опасности невежественного восхищения Россией Карел Гавличек. На эти слова не обратили внимания, так как чехи прежде никогда напрямую не соприкасались с русскими. Несмотря на языковую общность, чехи и русские никогда не были частью одного мира, одной истории, одной культуры»*. Ту же мысль Кундера развивает в пространном очерке «Занавес», *Le rideau* (оба текста, которые я цитирую, написаны на французском): *«Если и существует лингвистическое единство славянских наций, то нет никакой славянской культуры, никакого славянского мира. История чехов <...> в чистом виде западная: готика, Возрождение, барокко; тесный контакт с германским миром; борьба католицизма против реформации»*. Кундера вспоминает, как удивлен был предисловием к одному своему роману, написанным западным славистом, который сравнил чешского писателя с Достоевским, Гоголем, Буниным, Пастернаком, Мандельштамом и советскими диссидентами: *«Испуганный, я запретил публикацию. Не то чтобы я чувствовал антипатию к этим великим русским, напротив, я всеми ими восхищался, но в их обществе я становился другим»*.

В этом контексте объяснимы причины внутреннего отторжения всего «чешского» от всего «русского». Многие русские, как нам известно, считают чехов «младшими братьями», а те и не подумывали о таком родстве, они о нем не мечтали и его никогда, за исключением, быть может, кратких исторических эпизодов, не принимали. Для русских, с имперским типом мировосприятия, впитывающим в себя и Сибирь, и Аляску, и Кавказ, и Центральную Азию, и Украину, и Балтию, вообще характерны небрежение мелкими деталями чужой культуры, не-склонность присматриваться к подробностям. Чехи чувствуют это снисходительное к себе отношение: в их языке, как в древнегреческом для определения времени, существует два термина «для русских» – *rusové* и *rusáci*. Первый этнический, а второй (чтобы долго не описывать оттенки значения) сопоставим по значению и коннотации со словечком «москаль» в украинском.

Прочитую теперь короткое эссе Петра Вайля, в котором он рефлексировал по поводу теории Паточки: *«Как Москва вечно топчется на перекрестке европейской и азиатской дорог, так и Прага не знает, какой путь выбрать, так называемый мало-чешский, или велико-чешский. Первый – чреватая изоляционизмом концепция охраны интересов и традиций малого европейского народа. Второй – идеология открытости миру, при реализации которой узко понимаемые национальные интересы жертвуют в пользу общеевропейского, скажем так, дела»*. Вайль, не говоривший толком по-чешски, но вполне тонко понимавший страну и ее жителей, написал этот текст летом 2002 года. В перерывах между редактурой статей и подготовкой радиопрограмм мы с Петей частенько теоретизировали в нашем общем пражском редакционном кабинете на темы истории и современности. Рассуждали, в частности, о судьбе малых наций, с трудом пробивающих себе историческую дорогу сквозь тернии империй, о своеобразной манере чешского исторического сопротивления превосходящей чужой силе: не всенародным восстанием с дубиной, а массовым пассивным неповиновением, если не сказать напускным пофигизмом.

Чешский геральдический знак на постаменте памятника Яну Жижке в Праге

Американский славист Джеймс Биллингтон однажды описал как цельное явление, одной антитезой, русскую культуру. Эта антитеза применительно к отечественной истории кажется мне исключительно удачной: «икона и топор». Герой кинофильма Михаила Идова «Юморист» охарактеризовал русскую национальную парадигму так: «водка и космос», очевидно имея в виду два способа побега из советской и российской реальностей. Поиграем в Биллингтона: существует ли похожая точная максима для чешской истории и чешской культуры? Быть может, гуситская чаша, наполненная пльзеньским пивом? Или портрет Вацлава Гавела в полевом кепи Йозефа Швейка?

Разная скорость течения чешского времени и разная частота биения чешского пульса заметны и в повседневности. Чехи не боятся упреков в провинциализме, они часто живут в высшей степени практично, если не сказать скаречно, любят и умеют экономить, редко потратят на излишества и геллер, как называют здесь уже вышедшую из обращения грошовую

монетку вроде копейки. Вступив в 2004 году в Европейский союз, Чехия до сих пор не спешит отказываться от кроны в пользу евро, свое маленькое ей ближе коллективного большого. Здешнее общество, наученное историческими поражениями, консервативно в замкнутости и недоверии к большому миру. Иностранцу с чехами – если он знает язык и имеет на то намерения – легко приятельствовать, приятно соседствовать, несложно договориться, взаимовыгодно сотрудничать, но сложно подружиться. В этой стране ощущаешь себя комфортно, если понимание комфорта предполагает наличие тонкой прозрачной перегородки с чешским миром: все видишь, все слышишь, все понимаешь и все чувствуешь, но остаешься чужаком, близко к себе тебя не допускают.

В то же время чешский народ периодически демонстрирует достойные удивления и подражания примеры гуманитарной щедрости и гражданского достоинства: добровольная кампания сбора средств в поддержку пострадавших от наводнения и цунами где-нибудь в Индонезии может собрать здесь десятки и сотни миллионов крон, а уличный протест против какого-нибудь очевидно неразумного решения власти – десятки и сотни тысяч мирных демонстрантов, Ян Гус наверняка бы порадовался. Замкнутые в тесноватых сухопутных границах территории площадью чуть больше Калмыкии, чехи обожают дальние странствия; Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка, в послевоенные десятилетия совершавшие на автомобиле *Tatra 87* знаменитые путешествия по четырем континентам, наметили для нескольких поколений своих соотечественников интересные маршруты, по которым, впрочем, стало возможным проследовать, только когда чехословацкий коммунизм наконец закончился и тот самый небезопасный большой мир оказался доступен для любого, кто пожелает его увидеть. Так вот происходит столкновение «большой» и «малой» чешской истории, универсальной каменной иллюстрацией которой предстает прекрасный замок на скалистом утесе над Влтавой.

Будничная жизнь Пражского Града начинается рано и замирает поздно, для сторонних посетителей крепость открывается в шесть часов утра и закрывается к полуночи. Еще в начале XXI столетия здесь все было не так зарегулировано, как теперь: напор международного туризма и угрозы международного терроризма заставили городские власти установить рамки металлодетекторов у ворот Града и турникеты у входа на Золотую улочку; раньше-то к домику номер 22, в котором Франц Кафка сочинял рассказы для сборника *Der Dorfschullehrer* («Деревенский учитель»), пускали бесплатно.

Пандемия коронавируса не по-хорошему, но только, надеюсь, на время покончила с зарегулированностью. Своего главного очарования Град так или иначе не потерял: с этой крепостью по-прежнему можно запросто остаться наедине, рано утром или поздно вечером по ее улицам, надворьям, закоулкам и маленькой площади бродишь почти в одиночестве – так, чтобы не маячила перед глазами полиция и не раздражала гоголющая разноязыкая толпа. Искушенным посетителям вроде нас с вами Пражский Град предлагает две особые смотровые точки для поклонения и восхищения: лавочки неподалеку от входа в крепостной архив в Третьем надворье, позволяющие изучать собор Святого Вита, скажем так, в полный профиль; а также панорама того же храма, наоборот, анфас – из соединяющего Второе и Третье надворья широкого арочного коридора. Вот тут-то по-настоящему и захватывает дух.

Великий и ужасный западный фасад, залитый в темное время суток пронзительным светом прожекторов, отделен от выхода из арки едва ли 50-метровым пространством, так что к собору ты оказываешься вплотную. Фасад наваливается на тебя всей громадой, ей не вместишься в самый широкоугольный объектив; чтобы разглядеть шпили храмовых башен, приходится придерживать на затылке кепку. Строительство главного пражского собора продолжалось почти шесть веков; его парадную стену возводили в последнюю очередь, по проекту

главного здешнего знатока псевдоготики Йосефа Моцкера, и завершили в 1929 году, к тысячеклетному «юбилею» гибели святого Вацлава³.

Вряд ли вот так, лицом к лицу, вам прежде доводилось рассматривать нечто столь же внушительное, резное, узорчатое, каменно-воздушное. Схожие чувства испытываешь при взгляде снизу вверх на спроектированные Антонио Гауди фасады собора Святого семейства в Барселоне, если только продерешься сквозь толпу туристов. Вот пражская храмовая открытка: роскошная центральная розетка диаметром больше колеса БелАЗа с цветной мозаикой на темы сотворения мира (стеклышки, правда, не различить ни снаружи, ни изнутри); долгая шеренга скульптур праведников и святых; каменные картины о распятии Христа, о Его положении во гроб, о Его воскресении и вознесении. Сложные рельефы на восьми массивных дверных створках – с хронологией воздвижения храма, а также с жизненными и смертными путями святых В., В. и В. Есть даже бронзовая сценка о том, как святой Вацлав разливает местного производства вино и выпекает евхаристический хлеб, о других подвигах я и не упоминаю. Это прекрасная, в высшем смысле поучительная стена, и вот как раз для того, чтобы после увиденного прийти в себя, и предназначены лавки у архива Пражского Града, усевшись на одну из которых можно спокойно перекурить и полюбоваться архитектурным совершенством.

За четверть века жизни в Праге я десятки раз бывал в Граде, но ни разу до того дня, когда принялся писать эту книгу, не нашел времени как следует рассмотреть западный фасад собора Святых Вита, Вацлава и Войтеха, а потому и не был способен отличить каменную фигуру архиепископа Арношта из Пардубиц от статуи короля и императора Карла IV Люксембургского. Зато теперь уж я их ни за что не перепутаю.

³ Историки расходятся во мнениях о дате гибели князя Вацлава. Летописи и легенды сохранили только точный день его убийства – 28 сентября, понедельник. Относительно года высказывались разные точки зрения (929-й, 935-й, 936-й). Долгое время «предпочтительной» считалась дата 28 сентября 929 года, что позволило властям вскоре после проведения общенационального праздника по случаю десятилетия образования Чехословакии в 1928 году организовать по всей стране помпезные религиозно-государственные «торжества тысячелетия» поминовения святого. С 1960-х годов, после проведения сложных источниковедческих сравнительных исследований, наиболее вероятным годом смерти Вацлава считается 935-й.

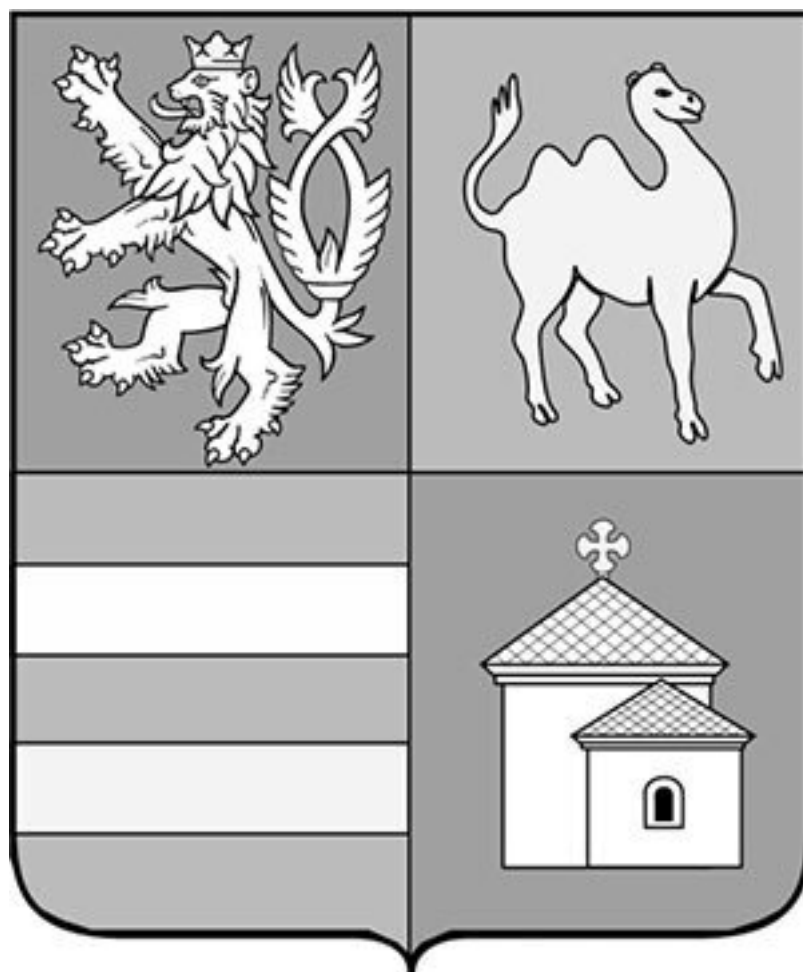
Третье надворье Пражского Града. Вид с колокольни собора Святых Вита, Войтеха и Вацлава

Прикладной смысл таких обширных, как Пражский Град, народно-хозяйственных объектов заключается не в том, что они позволяют собирать с туристов солидную дань в городской бюджет. Ну, по крайней мере, не только в этом. Пражский Град представляет собой учебник чешской истории и энциклопедический путеводитель по чешской государственности, он накопил многие тонны материальных свидетельств того, с какой скоростью, в каком направлении и с каким успехом протекало чешское время. От первых князей-королей из династии Пржемысловичей до президента Гавела, который в 1996 году, уже на моей пражской памяти, распорядился украсить верхушку обелиска Памяти павших в Первой мировой войне позолоченной пирамидкой, а еще через пять лет приказал построить в Королевском саду новую оранжерею на руинах старой, барочной. Сошлюсь на авторитет Виктора Гюго: в романе «Собор Парижской Богоматери» он импровизирует о том, что архитектура – это литература средних веков, поры неграмотности, когда знания сообщались и передавались не столько буквой и строкой, сколько картинами из камня.

Град обозначает самое начало чешского летоисчисления, чешские «ноль часов ноль минут». Город в городе, вещь в себе, неправильный четырехугольник со сторонами 570 на 128 метров, Пражский Град – ни в коем случае не собрание мертвых памятников, но коллекция переживших все на свете исторических воспоминаний. Каждый король Чехии, каждый император Священной Римской империи⁴, любой президент и даже некоторые герцоги – все те, кто на протяжении веков избирал Град своей резиденцией, – старались здесь хоть что-нибудь да построить (если не дворец, так конюшню), хоть нечто да привнести сюда (пусть не денежное пожертвование, так тонкий художественный вкус). Четыре надворья, три улицы, одна площадь, три собора, две часовни, один монастырь, пять дворцов, шесть башен, дюжина или две скульптур, полтора километра крепостных и замковых стен, шесть фонтанов и все остальное, как подтвердит любой специалист, составляют скрепленный цементом веков архитектурный комплекс. При этом целостность и компактность ему придает не общность художественных стилей (их-то не сосчитать), но единство политической цели, которая звала в будущее и хозяев Пражского Града, и тех, кто им подчинялся и волей-неволей выполнял их барские прихоти.

Именно понимание этой цели заставило, скажем, молодого короля Карла IV в 1350-е годы нанять фламандского каменотеса Матьё из Арраса и скульптора-немца Петра Парлержа для строительства собора Святого Вита. Следование именно этой концепции побудило пожилого президента Томаша Масарика в 1920-е годы пригласить для капитальной реконструкции всего замкового хозяйства словенского архитектора Йоже Плечника. Бронзовый Масарик теперь любит Градом чуть со стороны, памятник чешскому отцу-президенту установлен у Салмовского дворца на Градчанской площади. Логично предположить: ТГМ удовлетворен тем, что из основанной им страны получилось.

⁴ Священная Римская империя германской нации – государственное образование, существовавшее с 962 по 1806 год и объединявшее территории Центральной Европы, в основном населенные немцами. Помимо германских земель поначалу в состав империи входили территории юго-восточной Франции и северной Италии, а также (до самого конца империи) нынешняя Чехия. Процессы становления единого государства в империи не были завершены, она оставалась децентрализованным образованием со сложной феодальной иерархической структурой, объединявшим несколько сотен национально-территориальных единиц. Священная Римская империя представляла собой попытку продолжить традицию Древнего Рима и создать универсальное государство.

01:00
Тетушка Пивная Кружка
Пльзень
Plzeň

*Есть несколько способов разбивать сады: лучший из них –
поручить это дело садовнику.*
Карел Чапек. Год садовода (1929)⁵

⁵ Перевод Дмитрия Горбова.

«Пивные часы» на стене старого корпуса завода *Plzeňský Prazdroj* в Пльзене

Самые знаменитые уроженцы города Пльзень – простоватый папаша Спейбл и его сынишка, маленький оболтус Гурвинек. С театральных сцен разных стран эта сладкая парочка вот уже почти столетие рассказывает истории из своей семейной жизни с аллюзиями на нашу общественную и умеет это делать в общем счете на 18 языках. Время над ними никак не властно: боевой вес куклы Спейбл неизменно составляет около двух килограммов, а рост 60 сантиметров; мальчуковая кукла Гурвинек, понятно, и поменьше, и полегче. С Гурвинек

я близко знаком примерно полвека, с той поры, как мама выписала для меня «Веселые картинки». На страницах этого журнала Гурвинек состоял в престижном у советской детворы Клубе веселых человечков. В компании Буратино, Чиполлино, Незнайки, Карандаша и Самоделкина Гурвинек, конечно, оказался самым невеселым человечком: с одной стороны, таким же забавным негодником, как и остальные, но с другой – все-таки унылым нытиком и тихоней.

Гурвинека, его отца Спейбла, его подружку Маничку и его собачку Жерика придумал Йосеф Скупа, пльзеньский художник, кукловод, режиссер и промышленный дизайнер. А выстругал их всех – фигурально выражаясь, из поленьев – знаменитый в Чехословакии театральный резчик по дереву Густав Носек, автор и отец родной 650 комических марионеток. В 1930 году уже признанный доктор кукольных наук пан Й. Скупа открыл в Пльзене профессиональный Театр Спейбла и Гурвинека, представления которого немедленно завоевали популярность у почтеннейшей публики. В 1945-м труппа переехала в Прагу; считается, что платой за возможность занять помещения Театра малой оперетты в центре столицы стало согласие Скупы и его жены Йиржины вступить в компартию. С 1995 года Спейбл и Гурвинек дают спектакли в бывшем здании пражского кинотеатра *Svornost*, «Единство». Вот туда мы с удовольствием наведываемся с внуком Мишей, вполне себе поклонником кукольного театра. У входа в этот театр, конечно, стоят бронзовые скульптуры смешных чешских человечков. А в Пльзене, на родине героев, Спейблу и Гурвинеку поставили целых два памятника. Главный примостили в парке Павла Йозефа Шафаржика: куклы, в натуральную величину, подняты на постамент, и папа чему-то поучает сына. Ну а, собственно, в чем еще состоит святая миссия отцовства? На зиму этот маленький монумент помещают в деревянный футляр, чтобы Спейбл и Гурвинек не замерзли.

Йосеф Спейбл – типичный старосветский персонаж, плешистый, лупоглазый и ушастый господин с головой из липового дерева, в черном фраке и с мягкими тряпичными руками, поскольку господам не приходится работать и ладони их не грубеют. Изначально Спейбл – деревянная карикатура на гражданина Первой республики: такие солидные мужчины во множестве заседали в пивных, прожигали собственное и чужое время, ни в чем на свете не разбирались, но обо всем на свете имели суждения. Свою фамилию кукла получила от заимствованного из немецкого языка диалектизма *büblein* (*bejbl*). Так, на германский манер, в старом Пльзене (по-немецки Пилзен) называли напыщенных дураков.

«Пивные часы» на стене старого корпуса завода *Plzeňský Prazdroj* в Пльзене

За фигуркой Гурвинка – театральный плакат со сладкой кукольной парочкой, а также пани Катержиной, Маничкой и Жериком

Спейбл, впервые представленный публике в 1920 году, получился, несмотря ни на что, вполне симпатичным и даже трогательным в своей имманентной глуповатости. Сыночек у него – такой же круглоголовый и лопоухий, как папаша, гундосый и в коротких штанишках, вовсе не вундеркинд – появился на сцене шестью годами позже, и для него подобрали звонкое, но вполне бессмысленное, ничего не значащее имя. Теперь вокруг этих знаменитых персонажей, как и положено в эпоху массовой культуры, созданы разветвленные художественная, коммерческая и мифологическая инфраструктуры: Спейблом и Гурвинек называют астероиды и роботов, невероятным приключениям отца и сына посвящены пьесы, книжки, мультфильмы, телесериалы, смешные лупоглазые физиономии красуются на марках, открытках, плакатах.

Они, и по праву, чешское национальное достояние, они, в специальных футлярах, хранятся на одной с книгами Ярослава Гашека и Карела Чапека полке чешской культуры. Не скажу, что в Театре Спейбла и Гурвинека неизменный аншлаг, но зрителей в зале, несмотря на отвлекающие от традиционного искусства соблазны дигитальной эпохи, собирается немало. В репертуаре числится чертова дюжина спектаклей «для всей семьи» с названиями вроде «Гурвинек среди ослов», «Беспокойные выходные Гурвинека» или «Гурвинек и зеркало». В прошлом бывало всякое: в представлениях для взрослых Спейбл и Гурвинек, болтаясь на ниточках, увлекались и политической сатирой тоже. В 1940-е – антифашистской, она легко читалась, и с кукловодами разбиралось гестапо; в «советское» время – антисоциалистической, она была чуть более невинной, хотя и вызывала в партийных кабинетах недовольство. Теперь в этом преимущественно детском и семейном театре общественно-политической тематикой не злоупотребляют, да и на дворе другие времена, помягче.

В последние десятилетия обеих кукол водит и говорит их голосами актер и режиссер Мартин Класек. Вообще-то для любой страны это здорово: уметь иронизировать над собой, иметь в запасе таких смешных деревянных человечков, такие артистические традиции и такое приятное развлечение для самых маленьких и для тех, кто постарше. Но Пльзень, и это горький удел провинции, спор за своих славных сыновей проиграл. Городские власти пытались даже судиться с Прагой за кукольную торговую марку, однако после десятилетия неторопливых прений иск был отклонен. Именем талантливого Йосефа Скупы в Пльзене называли улицу. Впрочем, и в Праге тоже называли, но мало ли в Праге улиц? Известно же, что знаменитости редко остаются на малой родине, иначе, может, им и не стать знаменитостями.

Покинул Пльзень, едва окончив школу, и 17-летний Карел Готт, рассчитывая продолжить образование в столице страны. Так и случилось: в Праге амбициозный юноша сначала выучился на электромонтера, а потом мало-помалу превратился в главного чешского эстрадного певца современности. За 60 лет выступлений Готт, популярный при всех политических режимах, бесчисленное число раз исполнил без малого тысячу разных композиций, записал на разных языках 293 альбома, 42 раза был назван лучшим эстрадным голосом своей страны по результатам всенародного голосования в анкетах «Золотой соловей» и «Чешский соловей». Щедро одаренный природой лирико-драматический тенор, в социалистической Чехословакии Готт заслужил звания заслуженного-народного артиста и политике партии не перечил. Занять место в первых рядах строителей нового общества он не стремился, но, когда просили, поддерживал разные начинания коммунистов: выступал на праздничных концертах, подписывал письма с осуждением диссидентов, с приятным мягким акцентом пел на русском языке про Советский Союз, оккупировавший его родину:

Все, что мне видится,
Все, что мне слышится,
Все, чем живетсЯ,
И все, чем мне дышитсЯ,

Мне подарила земля моя вечная,
Самая добрая и человечная!⁶

Готт не отказывался радовать своим песенным творчеством Густава Гусака и Леонида Брежнева, и ему позволялось концерттировать не только в Восточной, но и в Западной Германии, не только в Москве и Софии, но и в Лондоне и Париже. Он прожил долгую и, надо полагать, приятную жизнь талантливой знаменитости, снискал у себя дома и еще в нескольких странах Европы феноменальную популярность, прежде всего среди возрастной женской аудитории, а когда в 2019 году скончался, удостоился редких для Чешской Республики государственных похоронных почестей. Закаленные борцы с компартийным режимом не простили Готту соглашательства, но, думаю, он в таком прощении и не нуждался: каждый сам устанавливает для себя пределы возможного.

Судьба «золотого соловья» – в контексте общественных потрясений, которые во второй половине XX века суждено было испытать Центральной Европе, – некоторым кажется показательным, даже типическим для Чехии явлением. Среди этих некоторых – польский журналист Мариуш Щигел, в 2008 году взбаламутивший читающую публику книжкой «Готтленд». Щигел составил бойко и остроумно написанный сборник из посвященных чешским людям и явлениям исторических эссе и биографических очерков, иногда поданных в жанре репортажа или путевых заметок (книжку перевели и на русский)⁷. В центр своего в целом доброжелательного повествования о чешском бытии и сознании автор поставил важные дискуссионные темы, например вопрос лояльности к несправедливой и несправедливой власти (одним из символов такой лояльности для Щигела стал и Карел Готт) или обоснованность попытки произвести в социальной пробирке человека будущего, неважно, чехословацкого или социалистического.

«Страну Готта» восприняли в Чехии довольно нервно. Как кажется, отчасти, поскольку и здесь порой тоже считают: иностранцу негоже критически судить о том, о чем домашние в силу тех или иных причин помалкивают или только нехотя проговариваются. Нужно иметь в виду и следующее: чехи и поляки часто выбирали диаметрально разные способы сопротивления иностранным вторжениям и внешнему давлению, у этих народов отличающийся друг от друга опыт существования на границах разных миров и политических систем (герой одного романа Богумила Грабала сказал так: «Мы, чехи, не воюем»). Дал себя знать, думаю, и непростой опыт двусторонних отношений: Польша и Чехословакия столетие назад сошлись в кровавых боях, польские войска дважды в минувшем веке агрессорами оказывались на чехословацкой территории⁸. Щигел родом из Силезии, стародавней чешской и, по историческим меркам, новообретенной польской земли. Может быть, и это сказалось.

В конце 1960-х годов Карел Готт приобрел в пражском пригороде Еваны виллу, чтобы заниматься вдумчивым творчеством вдалеке от друзей и поклонников. Но насладиться спокойствием ему по разным причинам не удавалось, вилла почти все время пустовала, в конце концов певец продал эту свою ненужную собственность за полмиллиона долларов гламурному бизнесмену Яну Мотёвски. Мотёвски организовал музей Карела Готта *Gottland* (поместье Элвиса Пресли в Мемфисе называется *Graceland*) с пафосным рестораном, однако экспозиция долго

⁶ «Земля моя добрая». Музыка Евгения Птичкина, слова Сергея Острового.

⁷ Щигел М. Готтленд / Пер. с польск. Полины Козеренко. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

⁸ В начале 1919 года Чехословакия и Польша вступили в вооруженный конфликт из-за Тешинской Силезии. Большая часть территории этой области (в польской традиции *Zaolzie*, «земля за рекой Ольше») со смешанным польско-чешско-немецким населением была в 1920 году закреплена за Чехословакией. Осенью 1938 года, в разгар судетского кризиса, Польша установила военный контроль над Тешинской Силезией, потом сама была оккупирована нацистами, а после окончания Второй мировой войны область вернули Чехословакии. Во вторжении армий организации Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году участвовала Вторая армия Войска польского (две бронетанковые дивизии и одна механизированная, 24 тысячи человек и более тысячи танков). Этот контингент, дислоцированный вокруг города Градец-Кралове в Восточной Чехии, вернулся в Польшу через три месяца. После 1989 года Польша принесла извинения за оба случая военной агрессии.

не просуществовала. В 2008 году Мотёвски, деловые усилия которого сталкивались с трудностями, бесследно исчез во Франции. Музей в Праге закрыли, здание перепродали. Работая над своими очерками, Щигел ничего этого знать не мог, но название его книги после столь трагического для Мотёвски и столь разочаровывающего для Готта финала зазвучало еще многозначительнее.

Когда знаменитый певец ушел в вечность – ушел торжественно, под горький народный плач, – его связь с матерью Чехией, «страной Готта», не стала определеннее и проще. Пльзень отреагировал на кончину эстрадной мегазвезды появлением черно-белого портретного граффити на Лидицкой улице. Портрет тут же раскритиковали в социальных сетях: многие решили, что художник бездарный, дескать, Готт получился непохожим на себя. Рисунок затерли. Записи скорбящих земляков в двух книгах соболезнований заняли пять сотен страниц. Конечно, открылась дискуссия, какой именно объект – театр или мост, фонтан или памятник, концертный зал или променад – Пльзень должен посвятить своему выдающемуся уроженцу.

Начало этой главы может создать впечатление о Пльзене как о секулярном, чуть ли не богохульном городе, лишенном символов святости и высокой духовности. Последние страницы главы такое впечатление могут еще и усилить, поскольку я собираюсь подробно рассказывать о знаменитом пльзеньском пиве, а такой рассказ все-таки больше о бренном, чем о вечном. Но не думайте: в Пльзене найдется кому и где при желании поклониться в пояс. Первый и самый известный адрес – главный алтарь кафедрального собора Святого Варфоломея, в котором хранится выполненная из кремнистой глины полихромная фигура Богородицы с младенцем Иисусом на руках работы неизвестного мастера конца XIV века. Пльзеньскую мадонну считают важным образцом так называемого прекрасного стиля в богемской готике (немецкие искусствоведы в свое время использовали термин *weicher stil*, «мягкий стиль»). В разных чешских землях было нарисовано и вытесано несколько таких «прекрасных мадонн» (мне известны Крумловская, Святовитская, Штернберкская, Вратиславская), но та, что из Пльзена, точно самая знаменитая. Ну и самая прекрасная: высотой 134 сантиметра, с S-образным изгибом стройного тела, с меланхолическим и в то же время скорбным материнским ликом. Понятно, что это скульптура милосердная и чудотворная, защитница и исцелительница.

Столб Пресвятой Девы Марии (1681), Пльзень. Скульптор Кристиан Видман

Пльзень замечателен и своей Большой синагогой, как утверждают, второй по размеру в Европе после будапештской. Построенный в конце XIX века в модном тогда романско-мавританском стиле, этот храм Божий был рассчитан на две тысячи прихожан, то есть вмещал в себя всю до последнего человека иудейскую общину города. Синагога волей Всевышнего уцелела в годы нацистской оккупации (хотя и пострадала, конечно), и вот неспешное ее восстановление продолжается до сих пор. В Пльзене теперь не больше сотни иудеев, под их молитвы поэтому приспособили тесное боковое помещение, а в главном зале, украшенном росписями с растительными мотивами, проходят выставки и концерты. Не раз доводилось петь здесь и Карелу Готту.

Рядом с синагогой когда-то размещались казармы одной из самых знаменитых воинских частей габсбургской императорской и королевской армии, 35-го Пилзенского пехотного полка. Этот полк сформировали в 1683 году и отправили напрямик на венский фронт защищать столицу монархии от османской осады. Пилзенская пехота участвовала потом в разных военных кампаниях, как водится, покрыла себя неуязвимой славой и пороховой гарью, испытала и триумфы, и поражения, но всегда верой и правдой служила государю под знаменем с девизом «Выстоим и победим!». В 1918 году 35-й полк перестал быть королевским и императорским, заступив на охрану завоеваний Чехословацкой Республики. Распущен был в 1939-м, когда прекратила свое существование и армия ЧСР, а обветшавшие казармы в Пльзене снесли еще через три десятилетия. В Чешской Республике традиции показательно-исторического полка передали 171-й пехотной роте так называемого активного резерва. Она дислоцирована в Пльзеньском крае, и ее бойцов по традиции называют «тридцатипятники». Имя полка носит широкая пльзеньская улица, ведущая от Большого театра к Новому, с синагогой посередине, а также популярный в городе пивной ресторан самой разветвленной чешской гастрономической франшизы *Švejk*.

История Пльзеня, как, впрочем, и прошлое почти любого города, пестрит такими вот наглядными примерами перехода предметов и явлений из старого качества в новое. Совсем не так, как столетие с лишним назад, читается, например, символика пышного фасада Городского клуба, в начале XX века средоточия всего лучшего чешского, что только можно было во всем свете сыскать. Имена отцов нации, начертанные золотыми буквами у здания во лбу; скульптурные аллегии Единства и Благородства перед бельведером; многоцветные фрески «Концерт» и «Урок» в промежутках между вторым и третьим этажами; конечно, щит с двухвостым львом – *Měšťanská beseda* образца 1901 года языком архитектуры вещала о национальных гордости и доблести чехов, выстоявших в недружелюбном немецком окружении, примерно как 35-й пехотный полк. То-то ли сейчас?

Напротив этого пафосного здания, в парке Мартина Копецкого (был такой заслуженный бургомистр Пилзена), расположен еще один артефакт австро-венгерской эпохи – высокая метеорологическая будка, выполненная в стиле Венского сецессиона, на гранитной подставке, тяжелой чугуннойковки, с темно-зеленой шапочкой и золотым флюгером наверху. Это экспонат даже не двойного, научного и исторического, назначения, я бы добавил еще и третье, философско-метафизическое. Различные приборы на стенах будки не только указывают температуру воздуха, его влажность и атмосферное давление, не только уточняют, на какой высоте над уровнем моря находится площадь Республики (313 метров). Здесь есть подвижная карта звездного неба над твоей головой, и есть карта чешской разницы во времени, сколь бы невеликой она некоторым ни казалась. Ведь не каждой стране дано раскинуться в 11 часовых поясах, для кого-то имеет значение каждое астрономическое мгновение. Полдень в Пльзене наступает на четыре минуты позже, чем в Праге (сорокоходный «Западный экспресс» покрывает эту дистанцию за час с небольшим), разница во времени между дальним востоком Чешской Республики и ее крайним западом составляет 16 минут.

В Пльзене нам доводилось бывать много раз, с разными целями и при разных обстоятельствах, но в рамках этого книжного проекта городу не повезло – график работы назначил поездку в самое неудачное время года: конец осени или начало зимы, ну невозможно же всюду побывать в мае и сентябре! Чтобы хоть как-то оживить визит, мы выбрали дни накануне католического Рождества, расцвеченные иллюминацией, праздничными ярмарками и народными гуляньями. Расчет, с одной стороны, оказался верным (мы даже поучаствовали в хоровом пении главной чешской колядки «Рождество, Рождество приходит, веселое и счастливое!»), а с другой – совершенно не оправдался, поскольку к закату едва успевало рассветать.

Стоял туман, на газонах ни снежинки, клумбы заботливо накрыты еловым лапником, на табличках рядом начертано декадентски «Здесь спят цветы», краски казались тусклыми, а лица, соответственно, стертыми. Метеорологическую будку пришлось изучать аккурат в момент зимнего солнцестояния, и это солнце, в общем-то, как бы и не собиралось вставать. Буквально говоря, пльзенское время для нас оказалось ночным, но это не значит, что повсюду царила темнота: в городском саду под фонарем зажигал уличный гитарист с хорошо темпированным усилителем, и подростковая аудитория обоих полов внимала музыканту, задумчиво затягиваясь «травкой». На площади Республики, на высоте 313 метров над уровнем моря, бойко торговали горячим вином и теплой медовиной, карамельными пряниками и засахаренными орехами, леденцами и покрытыми шоколадом фруктами на палочках, жареными сырами и копчеными колбасками, супом из капусты и супом из требухи, картофельными блинами и ячменными лепешками, в стойлах задумчиво жевали сено овечки, козлики и маленькие лошадки, а вертепная композиция из сотни деревянных фигур – и волхвов, и пастухов, и ангелов, и прочих, из которых самой ничтожной и беспомощной казался лежащий в яслях младенец Иисус, – поражала воображение своими пестротой и разнообразием, каких мы не видели даже у стен Ватикана. И над этим всем ярко горела Вифлеемская звезда, которую ни за что не обнаружить на астрономической карте самой продвинутой в мире метеорологической будки.

Вот таким естественным образом жизнь перемещает нас от высокого небесного к прозаическому земному. Пльзень – из числа городов и территорий, названия которых стали нарицательными в мире алкогольных напитков, вроде Коньяка или Шампани. Причиной явился *plzeňský prazdroj*, давший имя даже не сорту, а целому виду пива, самому распространенному на мировом рынке. До появления такого пива богемский городок, пожалуй, ничем особенным в историю не вписался. Ну да, во второй половине XV века неизвестно кто отпечатал здесь первую в Чешских землях книгу, но это все-таки осталось событием местного значения. А тут к Пилзену-Пльзеню пришла воистину мировая слава.

Исторический варочный цех завода *Plzeňský Prazdroj*.

В таких чанах – на самом деле они ослепительно медного цвета – выстаивается охмеленное сусло

Производство легкого светлого пива *pils, pilsener* (пльзеньского типа) запустили осенью 1842 года при обстоятельствах, которыми отчасти руководила случайность. В Пилзене существовали давние пивоваренные традиции, поскольку основатель города король Вацлав II наделил 260 бюргеров правом заниматься соответствующим промыслом еще в 1295 году. Но как-то эти традиции с течением времени оказались в значительной мере растрчены. И вот в конце 1830-х здесь по решению городских властей заложили завод *Bürgerliches Brauhaus*, который теперь в Чехии называют на национальный манер *Měšťanský pivovar Plzeň*. Главными знатоками пивной технологии в ту пору считались баварцы, поэтому для налаживания производства в Пилзен из придунайского Фильсхофена пригласили потомственного мастера, 29-летнего Йозефа Гролла.

Гролл умел варить пиво методом низового брожения⁹, прозрачное и тонкого вкуса. Новый сорт он составлял с использованием проверенных баварских методов, с содержанием алкоголя 4,4 процента, из приготовленного по английской рецептуре светлого ячменного солода, саазского (жатецкого) хмеля повышенной горечи и на местной воде, которая на поверку оказалась чрезвычайно мягкой. Пльзень стоит на слиянии четырех рек, перетекающих одна в другую, неподалеку течет пятая, так что сделать выбор, чем «наполнить» пиво, непросто: Углава впадает в Радбузу, Радбуза и Мже сливаются в Бероунку, и через три километра в Бероунку же, справа, впадает Услава. Гролл доставал воду из подземных источников, которыми и теперь питается пльзеньское пиво, – пяти ключей в полутора километрах от завода и в 100 метрах от поверхности земли.

Ну а солод, если кто-то вдруг не знает, – это намоченные и пророщенные, а потом высушенные и уже не теряющие резкого запаха семена злаков. Жатец (по-немецки Сааз) – городок на севере Чехии, в окрестностях которого выведен особенно аристократический сорт хмеля. Благодаря насыщенным железом красноватым почвам и кропотливой селекционной работе жатецкий хмель признан чрезвычайно качественным, прежде всего из-за повышенного содержания важного для пивоварения вещества лупулина – горького клейкого порошка, образующегося в хмелевых шишках. Для жителей Жатеца эта сельскохозяйственная культура (на самом деле многолетняя лиана, стебель которой вьется по часовой стрелке) столь приятна и важна, что плантация хмеля (хмельник) разбита у них прямо на центральной площади Свободы, рядом с главным собором, ратушей и неподалеку от площади Хмелеводов.

Генетику хмеля в Жатеце изучает специальный НИИ, его старшие и младшие научные сотрудники неустанно проводят исследования по защите растения от вредителей, улучшению его питательных свойств и повышению содержания лупулина в его шишках. Жатецкие власти активно и вполне успешно развивают привлекательный туристический бренд. В городе едва ли не отовсюду виден хмелевой маяк, неформальная смотровая площадка; по центральной площади разгуливает ростовая кукла с физиономией в виде лупулиновой шишки; местное время отсчитывают хмелевые часы, стилизованные под старину, с картинами жизни на темы пивного промысла. Окончание сезона сбора хмеля уже почти 200 лет отмечают на осеннем городском празднике, козырным номером программы которого считаются пляски с пивными кружками на головах.

...По итогам первой варки в Пилзене выяснилось, что напиток у Гролла получился отменным, но иных, чем ожидалось по классике, прозрачности, оттенка и привкуса. Гроллу удалось сформировать прекрасный пивной стиль (это профессиональный термин), еще один пльзеньский *weicher stil*, такой же мягкий, как загадочная улыбка местной Богоматери. Неожиданный результат дала как раз непреднамеренная комбинация свойств хмеля, воды и солода: напиток насыщенного янтарного (а кто-то скажет, медового) цвета, с горчинкой, но одновре-

⁹ В процессе низового брожения максимальная концентрация дрожжей наблюдается не сверху суслу, а у дна бродительной емкости. Низовое брожение проходит при температуре 7–10 °С, верховое – 17–20 °С.

менно и со сладинкой, с травяным ароматом, легко пропускающий солнечный свет, освежающий, пышнопенный и пьянящий. Герр Гролл не использовал шанс развить успех, через три года, едва истек пилзенский контракт, этот пивных дел мастер вернулся на родину. Как следует из воспоминаний современников, Гролл был неуживчивым и вздорным человеком, а в историю вошел еще тем, что скончался (уже в почтенном возрасте) в родной биерштубе, прямо сидя за столом. Не исключено, что над кружкой пива, которое сам же и сварил. Коронный сорт светлого фильсхофенского, что логично, называется теперь *Josef Groll Pils*. Я не профессионал, но отличу этот сорт от пльзеньского без труда.

Пилзенское, сваренное герром Гроллом, начало свое победное шествие по планете. В 1853 году его разливали в 35 пражских пивных заведениях, в 1856-м оно освоилось в Вене, в 1862-м – в Париже, в 1873-м – в США. До конца XIX столетия процессами закваски и брожения руководили баварцы, потом их сменили местные мастера. На заводской Доске почета – 16 портретов капитанов пивного производства, немцы с нафабренными усами, старочехи в моноклях, новочехи в элегантных *Ray Ban* с золочеными оправками. Полтора столетия назад пивное производство повсюду в Европе стало индустрией: напиток, обязанный своим рождением Божьему промыслу и кустарным инициативам монахов, принялись транспортировать бочками в специальных вагонах с двойными стенками, пространство между которыми прокладывали кусками льда. Теперь-то разливное перевозят в цистернах, огромными объемами, хотя местные рестораторы в Пльзене, представляете, еще поддерживают забавы ради древнюю конную тягу. В штате завода теперь не 200 бондарей, а всего восемь: в бочках, как встарь, созревает только нефильтованное, которым потчуют преимущественно туристов.

Торговую марку *Plzeňský Prazdroj (Pilsner Urquell, «Первоисточник Пльзеня»)* вскоре после возвращения в Чехословакию рыночных порядков купил южноафриканский концерн *SAB*, а несколько лет назад завод стал собственностью японского пивного гиганта *Asahi*¹⁰. Это крутое высокотехнологичное производство, автоматизированное и роботизированное до такой степени, что даже рабочий разливочного цеха, надзирающий за монотонным движением конвейера, именуется инспектором. Он инспектирует калибры бутылок, бесконечной рекой протекающих через посудомойку мощностью 70 тысяч помывок в час, следом поступающих в посудосушку и потом кучной позвякивающей толпой отправляющихся заполняться, а напоследок одеваться, на наклеивание этикеток. Пиво для этих бутылок по четыре недели выстаивается в громадных хромированных или никелированных емкостях, в тихом (ничего даже не гудит), хирургически чистом цехе, куда добираться в лифте грузоподъемностью 72 человека. Подобным образом могли бы собирать космические корабли, разве что сварочных аппаратов и скафандров пивзаводу не хватает. Специфика производства такова, что пльзеньское пиво сложно изготовить где-либо еще, кроме Пльзеня. Предпринятые в начале XXI века попытки варить *plzeňský prazdroj* в Польше и в России (на заводе в Калуге) окончились неудачей, поскольку технологические нормы на чужбине выдержать не удавалось.

Plzeňský Prazdroj перевооружается на моду будущего уже не первое десятилетие, полет в пивное околоземное пространство, насколько можно судить, проходит успешно, оставшиеся свободными и оказавшиеся ненужными для современного производства заводские корпуса не рушат, а приспособливают. В бывшей бродильне устроен самый просторный в Чешской Республике биерхалле на 500 посадочных мест, с типичной *cuisine tchèque*, пивасик подают прямо по трубопроводу. В бывшем варочном цехе, над трубой которого уже не вьется промышленный дымок, разместился музей варочного цеха, в том смысле, что тут все привели в порядок и оставили как прежде, в медном сиянии старых чанов и кранов. Чешское пивное время пле-

¹⁰ Компании *Plzeňský Prazdroj, a. s.* принадлежит еще один пльзеньский завод, на котором производят пиво *Gambrinus* (так звали легендарного германского племенного короля, считающегося изобретателем пивоварения), а также заводы *Radegast* (так звали западнославянского бога, изображавшегося с секирой в руке и птицей на голове) в моравском местечке Ношовице и завод *Velké Popovice* в восточном предместье Праги, где варят *Velkopopovický Kozel* (в просторечии «козлик») шести сортов.

щется в пузатых-животастых бочках 9-километровых подземелий, в закоулках которых немудрено заблудиться. По технологии Йозефа Гролла тут производят малюсенькую толику общих объемов – для целей презентации и репрезентации.

Пльзеньское пиво, тут и спору нет, – важная часть современной чешской идентичности. Однако все же напомним: главным языком империи Габсбургов был немецкий, немцы составляли две трети десяти тысячного населения Пилзена. Чехи здесь тоже издавна жили, но появление напитка, сваренного баварским мастером на «национальной окраине» преимущественно немецкоязычной страны, рассматривалось как явление общегерманской бытовой культуры. Вот подходящий параллельный пример: скажем, наладили советскими усилиями выпуск автомобилей КамАЗ в Набережных Челнах, так это какие грузовики в представлении большинства, российские или татарские? И российские, и татарские, ну а вот пиво из города Пльзень с некоторых пор бесспорно чешское, чешское и только чешское. Это утверждение соответствует и современной общественно-политической ситуации, и адекватному восприятию *pilsner urquell* повсюду в мире, даже, вероятно, в Германии, куда пльзеньский завод в последние годы отправляет примерно четверть всего того, что производит.

Чехия, как свидетельствуют научные исследования, самая пивопьющая в мире страна, лидирующая в этой неспортивной дисциплине со значительным, в 1,5 раза, отрывом от ближайших конкурентов. Уровень потребления пива на каждую душу населения, включая древних стариков и грудных младенцев, составляет здесь почти 140 литров в год. Для сравнения: вина в Чехии выпивают не больше 20 литров на человека, при том что в странах – лидерах всемирной алкогольной таблицы, во Франции и в Италии, каждый гражданин успевает употребить в год по 65 бутылок.

В христианской культуре философский спор вина с пивом (*altercation vini et cerevisiae*) ведется по крайней мере с XII века. Начат он, как считается, стихотворным образом – в поэзии вагантов, средневековых творческих людей, способных к сочинительству и исполнению песен. Представители Богемии принимали участие в этой дискуссии преимущественно на стороне «пивной партии». Иногда их голос звучал громко. В 1580-е годы, например, лекарь императора Рудольфа II Тадеаш Гаек сочинил на латыни трактат о свойствах пива и иных напитков. И вот этот труд Гаека, по всеобщему мнению, внес заметный вклад в изучение лечебных и пагубных аспектов употребления алкоголя.

Теоретиком и практиком европейского, если не мирового масштаба в пивной отрасли считается Франтишек Ондржей (Франц Андреас) Поупе. Народный химик и изобретатель, на переломе XVIII и XIX столетий он обнародовал трехтомное немецкоязычное исследование «Искусство пивоварения, описанное химически, физически и экономически». Поупе в буквальном смысле задокументировал личную многолетнюю и многостороннюю практику работы на различных пивных предприятиях, попробовал открыть чуть ли не первую в Европе школу пивоварения, для которой в 1801 году составил первое же учебное пособие, выдумал несколько полезных для отрасли технических устройств. Он неустанно добивался улучшения санитарных условий производства, что два века назад было воистину новаторским начинанием, боролся за прогрессивные технологические методы, в частности, применил в пивоварении термометры. Иными словами, Поупе оказался провидцем, человеком, усилия которого современники не оценили, поскольку он пытался превратить ремесло в науку, а традиционалистам такое не нравилось. Зато профессионализм этого мастера оценили потомки: теперь говорят, что в истории чешского пивоварения было две эпохи – до Поупе и после Поупе.

Спор пива и вина продолжается уже 900 лет и, вероятно, не закончится еще через тысячу. Уставший от бессмысленной дискуссии французский историк Жак ле Гофф взял и распилил Старый Свет надвое – на Европу хлеба и вина и Европу мяса и пива. Чешская Республика, понятное дело, расположена в главном бастионе эшелонированной пивной обороны, хотя винные партизаны Моравии имеют по этому вопросу особое мнение. Остается, впрочем, фак-

том, что одна из принципиальных чешских «духовных скреп», своего рода мерило брутальной мужественности – так называемый пивной (а не винный!) метр: 11 выстроенных рядом кружек (обозначенных правильным словом *půllitr*) и добавленный к ним стаканчик напитка под названием *tuzemák* — картофельного или свекольного «рома», точнее говоря, самогона. Чтобы любой желающий мог проверить глазомер, в деревне Добрич к северо-западу от Праги установили гранитно-бронзовый эталон пивного метра, сертифицированный национальным Институтом метрологии. В общем, не вызывает никакого сомнения, что именно пиво – это «чешское золото» и «чешский жидкий хлеб».

Я-то, конечно, пивной метр не пройду, куда там. Но прекрасно отдаю себе отчет в том, с кем именно имею дело и в какой атмосфере мне довелось оказаться. Легенда гласит, что первую на территории республики бочку пива сварили в 993 году в бенедиктинском Бржегновском монастыре, сейчас это в Праге, а тогда еще и Праги-то толком не было. В суперхмелевой и сверхпенной Чехии Пльзень – бесспорная пивная столица, а *Plzeňský Prazdroj* — сияющий храм на горе. С Пльзенем по пивной части никто и ничто не сравнится, сказываются и сила опыта, и мощь производства, составляющего примерно половину национальных объемов. И если где-нибудь в Чехии, как в одной сказке из моего детства, живет добрая тетушка Пивная Кружка, хохотушка и толстушка из трактира «Три желудя», то искать ее нужно в первую очередь в Пльзене.

В Праге среди бесчисленных пльзенских ресторанов особой демократической репутацией пользуется пивная *U zlatého tygra* на Гусовой улице. Здесь разливают с 1816-го, в последние десятилетия остановились на праздное. И вот как-то считается, что «У золотого тигра», словно в бане, под чудесным воздействием пива волей-неволей становятся совершенно равными друг другу министр и работяга, аристократ и простолюдин, писатель и землекоп. История, по правде говоря, дает некоторые подтверждения такому правилу. Туристы здесь не ходят, без предварительной записи сюда не попасть, но, коли попадешь, почти наверняка увидишь знакомые лица «из телевизора». Пльзенское пьется «У золотого тигра» легко, наверное, еще и потому, что, по старой традиции, если не закрыть бирдекелем опустевшую кружку, официант моментально поднесет полную.

Ежегодно небольшая страна Чехия производит по 20 миллионов гектолитров пива (чтобы наглядно было, наполните доверху куб с гранями по 200 метров) и три четверти этого самостоятельно выпивает. Кое-какое пиво здесь по-прежнему дешевле минеральной воды, и, вероятно, так будет всегда. В 2019 году в Чешской Республике функционировало больше 60 крупных пивзаводов и несколько сотен пивоварен и мини-пивоварен, пиво варили в общем счете по 660 адресам. При этом населенных пунктов, имеющих статус города, в стране всего 608. Что означает: в каждом сколько-нибудь уважающем себя чешском городке обязано быть домашнее пиво. Так оно и есть: если пиво пока еще не варят, то уже собираются, а если почему-то прекратили варить, то это попросту позор.

Plzeňský Prazdroj расположен к востоку от главной площади Республики с тем самым Варфоломеевским собором, известным еще и своей самой высокой в чешских землях, 102-метровой башней. Вход на территорию пивзавода оформляют ворота в виде прямо-таки римской триумфальной арки, возведенные в конце позапрошлого века, к 50-летию предприятия. А вот к западу от центра Пльзеня высятся корпуса другого, столь же важного для города и страны производственного объекта, в пору своей юности известного как фабрика Эмиля Шкоды.

Площадь Республики, Пльзень

В 1869 году этот опытный инженер выкупил у графа Арношта Вальдштейна уже существовавшее литейное и машиностроительное производство. На своей железной фабрике Шкода

постепенно наладил выпуск самого разнообразного индустриального оборудования: от артиллерийских орудий для дредноутов и шлюзовых узлов для Суэцкого канала до огромных пивоваренных чанов-котлов и паровозов с ж/д вагонами. К концу XIX века *Škodovy závody* стала самым крупным австро-венгерским промышленным предприятием. Наследники Эмиля Шкоды старательно создавали вертикальный концерн, в котором числились и автозавод из Млада-Болеслава, и авиастроительное предприятие из Праги, и подземные оружейные заводы из Словакии. В годы Второй мировой войны *Škoda* в качестве составной части картеля Германа Геринга ковала броневой щит Третьего рейха. Коммунисты после своей победы выгнали из страны всех буржуев, фабрики-заводы национализировали, раскассировали шкодовский концерн на отдельные предприятия, самому главному из которых, пльзеньскому, в 1951 году присвоили имя вождя мирового пролетариата.

Рабочие именно этого, краснознаменного и ленинского завода летом 1953 года подняли вооруженное восстание против власти коммунистов, единственное в истории Чехословакии. Поводом и причиной стала грабительская финансовая реформа, задачи которой экономисты характеризуют просто: государство захотело изъять у населения денежные средства, не обеспеченные скудным товарным предложением, то есть, иными словами, решило насильственным образом уменьшить покупательную способность граждан. Отцов социализма, как известно, интересовали не легкая и пищевая, а оборонная и тяжелая промышленность, чехословацкая экономика была заточена в ту пору на выпуск пушек, а не масла. Цены и зарплаты прямо с 31 мая уменьшили впятеро (однако цены относительно зарплат на деле существенно выросли), каждому гражданину предоставили возможность поменять наличными не больше 300 старых крон (на 60 новых, то есть в той же формальной пропорции 5:1). А «излишки» обменивали в десятикратно более выгодном государству соотношении. Номенклатурным сотрудникам и членам партии предоставляли льготы и скидки, но большая часть рабоче-крестьянского населения в одночасье лишилась накоплений.

На другой день по всей Чехословакии начались забастовки, где-то робкие, а где-то решительные. Во главе стихийного движения встали главные пролетарии: 20 тысяч возмущенных рабочих и студентов фактически взяли Пльзень под свой контроль. Из окон здания горсовета повыбрасывали бюсты основоположников марксизма, на главной площади сожгли карту СССР и транспарант «С Советским Союзом на вечные времена!». Через несколько часов власти стянули в Пльзень армейские подразделения, так что к вечеру того же дня спокойствие в городе восстановили. Погибли двое рабочих, в столкновениях с обеих сторон пострадали около 250 человек, 330 бунтовщиков приговорили к разным срокам тюремного заключения. Президент Чехословакии Антонин Запотоцкий на партийном «разборе полетов» заявил так: «В стране нельзя создавать культ рабочих, которым все позволено». Велено было считать, что восстание подняли «буржуазные элементы, переодетшиеся в комбинезоны»; их, ясное дело, подстрекали из-за западных рубежей. Чтобы всем стало понятно, как выглядят настоящие рабочие, в фойе пльзеньского железнодорожного вокзала, под огромным 40-метровым куполом, установили скульптуры металлостроителей, в свободных позах и с решительно-одухотворенными физиономиями.

Международный валютный фонд исключил Чехословакию из своих рядов, чтобы коммунистам не повадно было впредь проводить такие денежные реформы. Но коммунисты не отчаивались, потому что всегда шли своим путем, а армия и милиция им старательно помогали. Некоторые уроки из случившегося, впрочем, правительство извлекло, поступь тяжелой индустрии замедлилась. Постепенно восстановилась вера в стабильность кроны, в отличие от веры в справедливость народной власти. «Красную черту» – по крайней мере, по отношению к рабочему классу – режим с той поры старался не пересекать: кружка пльзеньского пива и порция гуляша были гарантированы каждому лояльному гражданину социалистической Чехословакии до ее самых последних дней.

Заводу имени В.И. Ленина в 1965 году вернули прежнее название, поскольку за границами мира социализма продвигать новую торговую марку оказалось затруднительно. *Škoda* до сих пор занята тяжкометаллическим ремеслом: здесь выпускают тепловозы, троллейбусы, метропоезда. По плзеньским улицам шустро бегают троллейбусы. Младоболеславская *Škoda Auto*, приобретенная и модернизированная немецким концерном *Volkswagen*, существует самостоятельно и отдельно. Единственное, помимо имени и истории, что теперь связывает чешский концерн с компанией из Пльзеня, – появившийся в 1923 году логотип работы дизайнера-студента Франтишека Михла: стремительно летящая в будущее крылатая стрела.

Тихий Пльзень, думаю, был бы не прочь иметь такой символ.

02:00

Час темноты

Терезин

Theresienstadt

*Уничтоженные люди
Бредут по улице.
Дети, совершенно бледные,
Закинули за плечи рюкзаки.
Вот польский транспорт —
Везет он старых,
Везет он молодых,
Везет он здоровых,
Везет он больных —
И никто не знает,
Удастся ли им переждать беду.*

Зденек Вейнбергер. Уничтоженные люди (1943)

Бог времени Хронос. Карильон у Дома часов в Карлштейне. Скульптор Давид Салаи

В брусчатку на самом углу пражских Сейфертовой и Красовой улиц, прямо у входа во вьетнамский магазин грошовых товаров, уже несколько лет вмонтированы пять бетонных кубиков, окованных листами латуни. На этих металлических квадратах значатся имена членов семьи Фишль, летом 1942 года депортированных из Праги в Терезиенштадт, где нацисты после образования протектората Богемии и Моравии¹¹ организовали крупнейшее в стране и

¹¹ Протекторат Богемии и Моравии – протекторат нацистской Германии, образованный в марте 1939 года на части территории Чехословакии, через пять месяцев после аннексии Судетской области. Не обладавший международной правосубъектностью протекторат входил в Великогерманский рейх на правах автономной территории, находясь, согласно официальной формулировке, «под защитой немецкой армии». Главой исполнительной власти был назначавшийся указом фюрера рейхс-

одно из тысячи в Европе еврейское гетто. Это был не концентрационный лагерь в привычном понимании, то есть не чистой воды «фабрика смерти», а пересылочный центр, последняя станция перед гибелью, откуда евреи рано или поздно попадали в «восточном эшелоне» либо в Аушвиц, либо в Трешлинку, либо в Тростенец, либо напрямую в могилы. Такая участь постигла и всю семью Фишль, они были убиты в Рижском гетто: коммерсант Густав Август Фишль, пятидесяти лет, его супруга Адела Фишлова, сорока трех лет, а также две их дочери – тринадцатилетняя Инге и десятилетняя Ганзи, которую родственники звали Ганичкой. Младшенькая, судя по фотографиям сестренок, наверняка была всеобщей любимицей. Мне не удалось выяснить, как именно они погибли, повесили их или расстреляли, где они похоронены, если похоронены вообще. Знаю, что у Густава Августа было семь братьев и пять сестер; войну пережили только пятеро.

Квадратных латунных табличек на основе из бетона, «каменной преткновения», как назвал их автор мемориального европейского проекта немецкий художник Гюнтер Демниг, по мостовым и тротуарам пяти десятков чешских городов рассыпаны тысячи, но помянута ими лишь малая доля погибших. Семья Фишль с Красовой улицы разделила удел 80 или 90 тысяч жертв Холокоста из Чехии, точное число замученных нацистами неизвестно. Еще примерно 25 или 30 тысяч человек смогли убежать, скрыться, эмигрировать; многие вынуждены были оставить германскому государству, согласно практике Третьего рейха, четверть своего имущества, то есть им удалось откупиться.

Трагические судьбы евреев из Праги, Брно, Остравы мало чем отличались от судеб евреев в других странах, оккупированных гитлеровской Германией. Евреи были постепенно лишены всего: сначала имущества и собственности, потом прав и положения в обществе, работы и достоинства, а потом жизни и памяти о ней. Все это делалось в том числе в соответствии с постановлениями местных чиновников: реализация Нюрнбергских расовых законов была доверена Адольфом Гитлером на территории протектората и его марионеточному правительству тоже. Как свидетельствуют историки, большинство чехов к преследованиям евреев относились пассивно и равнодушно, хотя, может, втайне им сочувствовали; как-то помогать, тем более открыто, осмеливались немногие. Другие немногие, прежде всего из числа чешских фашистов – было, например, такое политическое движение *Vlajka* («Знамя») с полувоенным крылом «Гвардия Святополка», – активно преследовали евреев, участвовали в погромах, жгли синагоги.

Председатель кабинета министров протектората генерал Алоис Элиаш, ветеран Первой мировой войны и искренний патриот, в меру сил старался облегчить положение оккупированной страны и поработенного народа, хотя действия его правительства целиком контролировало немецкое командование. Элиаш, как мог, маневрировал, пытаясь выхолостить требования нацистов и противодействуя доморощенным фашистам и активным коллаборационистам. Генерал поддерживал и координировал деятельность ячеек антифашистского Сопротивления, за что в 1942 году был казнен. Коммунисты записали Элиаша в предатели, но в современной Чехии генерала реабилитировали. Евреев он бы не спас, даже если бы и пытался. Впрочем, поначалу он как-то пытался, но увернуться от ответственности и остаться непричастным к расовым гонениям правительству протектората не удалось. На должность Элиаша назначили юриста Ярослава Крейчи, который за успешную работу в должности премьера был в 1944 году представлен к высшей награде протектората, Почетному щиту Орлицы Святого Вацлава (нацисты считали этого средневекового чешского короля «верным вассалом Германской империи»)

протектор, всегда высокопоставленный офицер СС; были введены вполне формальные должности государственного президента и председателя правительства, которые занимали чехи. На посту президента весь период существования протектората оставался пожилой юрист и переводчик-любитель Эмиль Гаха. После капитуляции Германии он был арестован и скончался в тюрьме в ожидании суда.

первой степени с золотым венцом. После войны Крейчи получил 25 лет тюрьмы; он скончался в заключении.

Нацисты принудили к сотрудничеству и местную еврейскую общину, которая со временем нарастила бюрократический аппарат для тщательной регистрации и учета убывавших на смерть, их имущества и их документов. Время от времени функционеров этой общины отправляли в концлагеря, на их место приходили другие, которые тоже более или менее тщательно фиксировали имена и описывали имущество депортированных и через полгода или год сами отправлялись на верную гибель. Немцы уже летом 1939 года учредили в Праге центр по высылке евреев, находившийся в ведении начальника сектора IV В 4-го Главного управления имперской безопасности Адольфа Эйхмана, одного из главных организаторов Холокоста.

С 1 сентября 1941 года евреям приказали прикреплять к верхней одежде шестиконечную желтую звезду. 14 ноября в Терезиенштадт прибыла первая партия рабочих, три сотни молодых мужчин; им надлежало приспособить город к скорому появлению депортированных. Местных жителей и размещавшихся в казармах солдат вермахта постепенно выселили. В январе 1942 года нацистское руководство приняло план «окончательного решения еврейского вопроса» в Европе; к этому времени в Терезиенштадте находилось свыше 7 тысяч человек. Конвейер Холокоста заработал на полную мощность: за три с половиной военных года через гетто прошли 140 927 евреев из шести стран Европы, 83 348 из них погибли в концлагерях, 35 384 умерли здесь, на месте, выжить смогли 16 832¹². Одни оказывались в Терезиенштадте всего на несколько месяцев или даже недель, другие задерживались дольше, это зависело от того, в каком ритме работала гитлеровская машина смерти. Вот 15-летний поэт Зденек Вейнбергер, стихотворение которого я выбрал эпиграфом к этой главе, прежде чем отправиться в Польшу, в Аушвиц, провел в Терезиенштадте полтора года; как и остальные, он наверняка надеялся выжить. Еврейское население бывшего гарнизонного города составляло 30–40 тысяч человек (максимум зафиксирован осенью 1942 года, 59 497 евреев), притом что рассчитан он был всего на 7 тысяч жителей, включая военных.

Терезиенштадт и Йозефштадт – так назывались две крепости могучей оборонительной цепи, обустроенной в 1780-х годах близ северной границы страны Габсбургов. По итогам Семилетней войны (1756–1763) Австрия вынуждена была отказаться от притязаний на Силезию, а Пруссия взамен обязалась поддержать кандидатуру венского кронпринца Иосифа на трон Священной Римской империи, что и было исполнено. Однако австро-прусское соперничество не угасало, поэтому в Вене предусмотрительно решили оборониться от военных намерений опасного соседа. Инициатором строительства выступил благополучно ставший при поддержке Берлина императором Иосиф II; одной крепости было присвоено его имя, а другой – имя его царственной матушки, Марии Терезии.

Терезиенштадт (теперь Терезин) и Йозефштадт (теперь Йозефов, район города Яромерж) возводили по законам военно-инженерного искусства той беспокойной эпохи – это сложные системы фортификаций с длиннющими краснокирпичными стенами, мощными бастионами и рavelинами, с эскарпами и контрэскарпами, труднопроходимыми для любого противника, с казематами и подземными лабиринтами в 30 или 40 километров. Крепость Йозефштадт выстроена из 250 миллионов кирпичей, каждый весом десятков кило. Внутри многоугольных периметров этих кирпичных стен выросли гарнизонные поселения с дюжиной улиц: просторный плац для парадов и муштры, основательный Божий храм, казармы для солдат и казино для господ офицеров, дома для мещан, ремесленников и услуги, конюшни и манежи, склады и арсеналы, вахтенные и караульные помещения.

¹² Данные чешской исследовательницы Людмилы Хладковой.

Деревянный солдат у входа в колонию художников. IV бастион, крепость Йозефштадт

История распорядилась так, что Терезиенштадт и Йозефштадт ни разу не подверглись осадам. К концу XIX века обе крепости потеряли свое главное практическое значение, их использовали для расквартирования воинских частей и содержания заключенных. Теперь это два тихих и странных чешских городка, низкие старые стены, полузаросшие лопухами (или, наоборот, прополотые) крепостные рвы, уже отреставрированные либо (преимущественно) все еще обшарпанные здания, ожидающие европейских инвестиций. Верно служившие Австрийской империи солдаты старых крепостей убиты или демобилизованы, только в Йозефове мы встретили двух деревянных воинов, произведения местной мастерской прикладного искусства. Один гренадер уснул на посту, а другой бодрился, охраняя шеренгу мусорных баков у прохода в бывший IV бастион, где теперь размещена художественная колония Яромержа.

Система фортификаций Терезиенштадта включала в себя разделенные старым и новым руслами реки Огрже (в ту пору Эгер) Главную крепость (она теперь и есть город Терезин) и Малую крепость, прикрывавшую дорогу на Прагу. В этой Малой крепости австрийцы устроили надежную тюрьму для уголовников и политических, среди которых попадались и международные знаменитости вроде Александра Ипсиланти и Гаврило Принципа.

Ипсиланти, типически яркий персонаж наполеоновской эпохи, генерал-майор русской армии и адъютант Александра I, потерявший правую руку в решительном сражении с Бонапартом под Дрезденом, в 1820 году возглавил греческое тайное общество, созданное, чтобы поднять на Балканах восстание против османского владычества. Поход «Священного корпуса» во главе с одноруким Ипсиланти через Прут окончился неудачей, и он, беглец, в конце концов оказался в австрийском заточении: в Вене не пожелали предоставить политическое убежище бунтовщику, пусть и против чужой монархической власти. Четыре из семи своих тюремных лет Ипсиланти, важный новогреческий герой, провел в Терезиенштадте, откуда его выпустили в 1827 году тяжело больным по настоянию русского императора Николая I. Последний акт жизненной драмы Ипсиланти оказался вполне театральным: успев узнать о том, что восстание эллинов продолжается, он скончался на руках возлюбленной, княгини Констанции Разумовской, которая после этого повредила рассудком. Еще через два года Греция добила независимости.

Убийца эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги графини Софии Хотек южнославянский националист Гаврило Принцип был приговорен к 20-летнему сроку заключения и тоже отбывал наказание в Терезиенштадте – его не повесили только потому, что ко дню совершения преступления этот щуплый злобный юноша еще не достиг совершеннолетия. Один из защищавших его адвокатов и двое из вынесших ему приговор австро-венгерских судей были чехами. Приговор-то был все равно что смертным, только приводился в исполнение постепенно и мучительно. В Малой крепости Принципа содержали в крутых условиях: в его сырой камере под номером 1 (вход из второго внутреннего двора) не было ни окна, ни тепла, иногда не было даже свечи; заключенного, в оковах, томили в темноте. Попытка арестанта совершить самоубийство не удалась, но с политической точки зрения тюремные испытания только закаляли фанатизм Принципа. Судя по воспоминаниям и другим документам эпохи, которые мне удалось увидеть и прочитать, он не раскаялся, поскольку верил в святую силу террора. Вероятно, гордился тем, что его выстрел послужил поводом для начала мировой войны. Победы «южнославянского дела» – распада Австро-Венгрии и образования Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев – Принцип не дождался, весной 1918 года он умер от туберкулеза; в момент смерти несчастный весил всего 40 килограммов. В пустой, теперь чисто выбеленной и отмытой камере Принципа в голову приходят спорные мысли о том, проиграл ли этот террорист свою решительную схватку или все же выиграл, ослабил монархическую тиранию или только умножил объемы зла?

Самым мрачным периодом существования Малой крепости стала Вторая мировая война: в 1940 году пражское гестапо перепрофилировало здешнюю тюрьму в узилище для политзаключенных, куда попадали и коммунисты, и другие антифашисты, и евреи. В основном здесь содержали чехов и словаков, но и советских, и британских военнопленных тоже, без разбора – в нечеловеческих условиях, в голоде, холоде, во вшах, в грязи и полутьме. На воротах, над входом в первый внутренний двор, выведена четкими черными буквами по яркому белому фону надпись *Arbeit macht frei*. Этот труд никого не сделал свободным: заключенные выполняли тяжелые хозяйственные и строительные работы, кого-то гоняли в соседний городок Литомержице укреплять шахты и залы подземного завода *B 5 Richard*, в котором нацисты наладили производство разных узлов и деталей для военной техники.

От болезней, лишений, издевательств, пуль надзирателей в Малой крепости погибло около 2600 человек. Тех, кому удалось выжить, в мае 1945-го освободили советские солдаты; выяснилось, что многие узники больны сыпным тифом. Крепость не сразу перестала быть тюрьмой, в ее камерах – примерно в таких же кошмарных условиях и почти так же преступно жестоко – до 1948 года победители содержали фашистов и просто богемских немцев, официально это считалось лагерем для интернированных лиц. Нацистского начальника Малой крепости гауптштурмфюрера Генриха Йокеля и четверых его подручных повесили по приговору народного суда. Но тюремный след протянулся надолго: в 2000 году в Мюнхене приговорили к пожизненному сроку «красавчика Тони», 89-летнего тюремщика Антона Маллота, который, как доказало обвинение, забил до смерти не менее сотни заключенных. Маллот, получается, укрывался от правосудия больше полувека и до того, как умереть, успел провести за решеткой всего-то год с небольшим. Он испустил дух на свободе: за 10 дней до кончины Маллота по состоянию здоровья перевезли в больницу.

Теперь каждый может посмотреть, как содержали, где мучили и где расстреливали узников Малой крепости; в бывшей столовой СС разместился буфет для посетителей с горячим кофе и бутербродами, но еда здесь не лезет в горло. Коридоры и казематы тюрьмы-музея пусты, трехъярусные нары добела выскоблены, повсюду чистота и тишина, ее прерывает только жужжание экскурсоводов, и на улице молчаливое летнее солнце. Предполье у крепостных стен занято кладбищем – несколько тысяч могил, стандартные надгробные плиты со славянскими, еврейскими, немецкими фамилиями; христианский крест с терновым венцом и многометровая же звезда Давида.

Ворота внутреннего двора тюрьмы (Малая крепость), Терезин

В Терезиенштадте я вспомнил документальный фильм Сергея Лозницы «Аустерлиц», снятый в 2016 году в превращенных в музеи бывших нацистских концлагерях. Эта лента, соб-

ственно, не про концлагеря, а про современных туристов и их поведение в страшных исторических декорациях. Люди совмещают семейный отдых с познавательной экскурсией, они берут с собой детей постарше и малышей в колясках, у них все равно хорошее настроение, они празднично шатаются, делают селфи на фоне печей крематория и газовых камер, примеряют себя самих к расстрельным столбам. Ходят в коротких шортах и пляжных майках, смеются, обедают, загорают, ведут себя почти так, как вели бы, оказавшись в Диснейленде. Вряд ли все они не понимают, куда попали, никто ведь не тащил в туристический автобус силком – то ли это такая защитная реакция перед демонстрацией свидетельств человеческой боли, то ли недостаток воспитания и образования, то ли школьные учебники, патриотические мероприятия и большое кино превратили память о войне и Холокосте в своего рода аттракцион. В Малой крепости я ничего такого неприличного не наблюдал, но с первой до последней минуты пребывания в Терезине чувствовал себя неловко и скованно. Признаюсь, не вполне понимаю, как именно об этом можно по-новому рассказать. К уже написанному Ханной Арендт и Примо Леви мне, конечно, нечего добавить.

Через две речки, маленькую и большую, от бывшей тюрьмы гестапо начинается современный город Терезин, он же бывшее еврейское гетто. Огрге у стен Большой крепости перекрыта плотиной и совсем не глубока; вон на мелководье, спасаясь от жары, купаются дети и пара-тройка взрослых. В ста метрах ниже пляжа по течению установлен памятный знак, на том месте, где осенью 1944 года нацисты велели вывалить в воду – поскольку сочли, что больше его некуда девать, – посмертный пепел 22 тысяч евреев, умерших и убитых в гетто.

Вот сюда, в какие-то из этих казарменных зданий йозефовской эпохи (в Судетскую и Ганноверскую казармы для мужчин или в Дрезденскую и Гамбургскую для женщин) пригнали и жителей пражской Красовой улицы, семью Фишль. Как и других пражских евреев, их вывезли в Терезиенштадт со станции Бубны, это недалеко от столичного выставочного комплекса, на левом берегу Влтавы. Погрузили в эшелон *Aaw 311*, который 3 августа 1942 года дал гудок и поехал в гетто. Уже 20 августа транспортом *Bb 519* Фишлей отправили в последний путь, в Остланд. Теперь станция Бубны какая-то полузаброшенная, вокруг гаражи и автомойки, а посередине трагический мемориал: поставленный почти вертикально, нацеленный в зенит пролет железнодорожного полотна. Это еврейская лестница в небо.

Тюремный корпус (Малая крепость), Терезин

Транспорты с евреями следовали до станции Баушовиц-ан-дер-Эгер, оттуда измученным людям, в том числе и сестренкам Фишль, приходилось почти три километра брести пешком,

железнодорожную ветку до ворот гетто ввели в эксплуатацию только летом 1943-го. К новому месту жительства тащились с тяжелыми чемоданами, с собой позволялось взять по 50 килограммов багажа. Многие везли книги и любимые безделушки, игрушки для детей, никто не собирался в Терезиенштадте умирать. Официально было объявлено, что евреев, преимущественно пожилых, переправляют чуть ли не в пансионат, в «город, который подарил фюрер», где они смогут спокойно провести старость и переждать войну – под надежной охраной четников (жандармерии) протектората Богемии и Моравии и контролем СС. Многие в это верили или хотели верить, поскольку верить больше было не во что.

Вот в чем заключалось отличие Терезиенштадта от других гетто: нацисты активно использовали его в пропагандистских целях, демонстрируя представителям нейтральных государств и международных гуманитарных организаций вроде комитета Красного Креста в качестве примера того, как в немецком рейхе «на самом деле» обходятся с еврейским населением. Самый известный из таких проверочных визитов состоялся летом 1944 года. Глава делегации швейцарец Морис Россель, судя по составленному им позже отчету, за время шестичасового пребывания в Терезиенштадте поверил сказкам Йозефа Геббельса и не догадался, что накануне его появления несколько тысяч человек, преимущественно старых и слабых, отправили в Аушвиц, чтобы город-гетто не выглядел слишком уж перенаселенным, а его обитатели не казались слишком уж истощенными. Но «не казались» они только швейцарскому представителю и двум его датским коллегам, потому что свободного выхода из гитлеровского «города счастья» не существовало: мужчины здесь не имели права встречаться с женщинами, здесь нельзя было иметь деньги и ценные вещи, здесь не знали понятия «приватность», изнурительная работа на благо рейха здесь продолжалась от рассвета до заката, а внеочередной транспорт в концлагерь был распространенным способом наказания за малейшее нарушение полутюремного режима.

К приезду делегации Красного Креста Терезиенштадт тщательно подготовили. На плацу устроили музыкальный павильон, оркестр играл легкую музыку, в центре города открыли кафе, даже несколько магазинов, соорудили детскую площадку. Учредили отделение банка, который ведал хождением специальных денежных единиц. За стенами Большой крепости эти украшенные магендавидом купюры не имели никакой ценности. Улицы гарнизонного города получили красивые названия: Озерная, Парковая, Замковая. В тех же показушных целях в гетто, имевшем внутреннее самоуправление и находившемся отчасти на самообеспечении (евреи работали, в том числе удовлетворяя всяческие потребности города), допускались кое-какие развлечения. Так случилось еще и потому, что в Терезиенштадт попали многие яркие представители еврейской чехословацкой и вообще европейской культуры – композиторы и художники, журналисты и литераторы, архитекторы и артисты; вот им разрешалась творческая деятельность. Оказавшись в нечеловеческих условиях, люди все же пытались жить как люди: устраивали литературные вечера и читали научные лекции, ставили театральные представления и репетировали оперные спектакли, занимались в художественных мастерских и выпускали рукописные журналы. Нацисты на все это смотрели сквозь пальцы: какая, в конце концов, им была разница, чем евреи займутся перед смертью?

Вскоре после визита комиссии Росселя режиссер Курт Геррон, немецкий еврей, и владелец пражской продюсерской компании *Aktualita* Карел Печены, чех, под плотным надзором офицеров СС и по их приказу приступили к съемкам полуторачасового документального фильма *Theresienstadt*. Получилась лента большого цинизма, которая могла бы дать креативный импульс советскому мастеру представлять «энергетику империи» Ивану Пырьеву, автору вышедших на экраны пятилетием позже, но совсем в других исторических обстоятельствах «Кубанских казаков». Полная версия «Терезиенштадта» не сохранилась, но в интернете и в разных музеях по всему миру можно отыскать и посмотреть 20-минутный отрывок, снабженный идеологически выверенными комментариями.

Внутренние ворота Малой крепости, Терезин

На черно-белом киноэкране довольные курортной жизнью в чудесной стране Гитлера евреи возделывают сады и поливают огороды, отдыхают в кафе, читают книги, оживленно бол-

тают. Даже играют в футбол, этот фрагмент поразил меня сильнее всего. И спортсмены, и зрители, и все остальные не выглядят изголодавшимися или затравленными, они выглядят вполне нормальными людьми, находящимися под защитой фюрера. Вот в город прибывает транспорт с новоселами из Дании, их встречает приветственной речью глава совета старейшин гетто Пауль Эппштейн (позже отправлен в концлагерь, как и его предшественник, как и тот, кто сменил его на высоком посту в самоуправлении). Вот выступает трогательный детский хор, вот свингует джазовый ансамбль, вот хохочут молодые подружки, и вот их чернобровые широкоплечие кавалеры... Работу над фильмом завершили к апрелю 1945-го, как раз к новому визиту представителей Красного Креста, но в прокат лента выйти не успела, ее показали только на трех-четырех закрытых просмотрах для руководства СС и сочувствовавших рейху иностранцев. А Курту Геррону не удалось увидеть даже черновую версию своей работы, потому что его убили в Аушвице.

В качестве мощного финала в фильм вошла сценка из музыкального спектакля «Брундибар» в исполнении юных обитателей гетто. Это самое известное произведение пражского композитора Ганса Красы, получасовая детская опера. *Brundibár* – так на чешском разговорном называют шмелей. Сюжет, как и полагается сказкам, трогателен: маленькие Аинка и Пепичек выходят петь на рынок, чтобы собрать деньги на молоко для заболевшей матушки, но брату с сестренкой мешает злобный шарманщик Брундибар. В сказке все заканчивается хорошо, а в жизни нет: Ганса Красу, еврея на 25 процентов (одна его бабка была еврейкой), отправили в газовую камеру. Вместе с либреттистом Адольфом Гоффмайстером Краса сочинил «Брундибар» незадолго до начала Второй мировой войны, но премьера оперы состоялась только в 1942 году в уже оккупированной Праге, в еврейском приюте. Гоффмайстеру удалось вовремя эмигрировать во Францию, а композитор и почти вся детская труппа в конце концов очутились в гетто, где Краса по памяти сумел восстановить партитуру и приспособить ее под имевшиеся в Терезиенштадте музыкальные инструменты. Там «Брундибар» выдержал больше полусотни представлений. Опера из двух малюсеньких отделений стала документальным свидетельством Холокоста, в этом качестве ее исполняют и в Чехии, и в Израиле, и в Германии, и в России, и везде, и на всех языках.

Вот уже три четверти века, как Терезин превратился в обычный маленький чешский город, Большую крепость покинули всяческие армии. Если не знать подробностей местной истории, ничего и не заподозришь о трагедиях былого. Наверное, умеют не вспоминать о том ужасном, что когда-то здесь случилось, нынешние жители Терезина: у них полно забот, они крепко спят по ночам, растят детей и внуков, их не беспокоят тени прошлого. Изменился и сам город. Общежитие солдат и офицеров СС на бывшей Лангштрассе (теперь улица поэта Карела Гинекса Махи) переустроено в *Parkhotel*. В тенистом сквере за прежней казармой *Kavalir*, спиной выходящей к Огрже, потихоньку осыпается букет каменной сирени в руках советского воина-освободителя. Главная площадь Терезина носит имя Чехословацкой армии. В бывшей Инженерной казарме, напротив собора Воскресения Христова, разместился Дом социальной помощи, куда помещают граждан с психическими нарушениями, а также тех, кто на склоне лет оказался в сложной жизненной ситуации. В середине дня в расписании у постояльцев дома свободное время, они гуляют по залитой солнцем площади, допекая прохожих разговорами на своем непонятном языке.

Принципиальный вопрос для любого народа, оказавшегося под иностранной оккупацией, – допустимость сотрудничества с захватчиками. На этот вопрос и быть не может универсального правильного ответа, он решался по-разному в зависимости от исторических обстоятельств, иначе вообще не возникали бы великие империи, ведь они сформировались в результате территориальных экспансий. Как и почти у всех соседствующих друг с другом народов, отношения чехов и немцев складывались неровно и непросто. Скажу так: исторически чехи часто сотрудничали с немцами и иногда по мере сил им противостояли.

Вторая мировая война до предела обострила старые проблемы и добавила к ним новые. Нацистские лидеры рассматривали возникновение протектората как «обновление тысячелетнего союза Богемии и Моравии с германской империей», как «устранение препятствия в виде государства, которое представляло собой очаг беспорядка, поскольку Чешско-Словацкая республика родилась из предательства, высокомерия и слепой ненависти». Гитлеровская оккупация, может, и не поставила чешскую нацию под угрозу немедленного исчезновения, но Германия фактически ликвидировала чешскую государственность, с чем большинство граждан страны не готово было смириться. Поэтому они, резонно предположить, желали Гитлеру военного и политического поражения. Другое дело, что силы на противостояние с врагом нашлись далеко не у всех: в Лондоне действовало чехословацкое правительство в изгнании, чехословацкие подразделения (а потом и соединения) воевали в составе британской и советской армий, но в самой Чехии широкого партизанского движения до последних месяцев войны не возникало. Разнородные подпольные ячейки (и коммунистического толка, опекаемые Москвой, и некоммунистические, подпитываемые из Лондона) то соединялись в скоординированную сеть, то распадались; гестапо за шесть лет оккупации безжалостно разрывало ее не раз.

Главной иконой чехословацкого Сопротивления на протяжении почти полувека оставался пражский журналист, театральный и литературный критик, а также самодеятельный актер Юлиус Фучик. Он был убежденным коммунистом – несколько странноватым, по мнению многих знавших его людей, в силу склонности беспричинно переодеваться и носить парики и накладные усы, а также энтузиастом (по-видимому, искренним) сталинских методов соцстроительства. Написанный в 1932 году сборник очерков о поездке по СССР Фучик назвал «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем». В Советском Союзе в это время как следствие политики коллективизации и раскулачивания крестьянства царил голод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.